

Пролетарская Культура.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

Орган Центр. Комитета Всероссийского Совета Пролеткульта.

Издание Государственного Издательства.

Адрес редакции и конторы: Москва, Волхонка, 18. Тел. 26-30.

Прием у секретаря редакции ежедневно от 11 до 1 ч. дня.

№ 5.

Ноябрь.

1918 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Год пролетарской диктатуры. В. Полянский. — Идеология производства. Ф. Калинин. — Пролетарский университет. А. Бовданов. — Организация литературного творчества. В. Керженец. — Первая Всероссий. Конфер. пролет. культ.-просв. организаций. В. Кулаков. — Резолюция Конференции. — Хроника Пролеткульта в провинции. Ст. Крыцко. — Библиография: «Горняк». В. Полянский. — «В бурю и пламени». В. П-ий. — «Вечные рыцари». А. О. — «Из левника детского сада». Е. Херсонская. — «Горняк». В. Г-в. — «Грядущая культура». П. Л.

Год пролетарской диктатуры.

Прошел год как пролетариат взял власть в свои руки. Буржуазные политики кричат о большевистской анархии; о разрушении большевиками жизни, культуры, о пути к всеобщему одичанию, разорению и обнищанию.

Апеллируя к «авторитету» Европы, наши враги проливают крокодиловы слезы о том, что у нас все идет не по-европейски. «Всюду в Европе в течение десятилетий процесс завоевания народных прав, прав человека и гражданина, для всех, кто носит человеческий облик увенчивался усилиями рабочего класса, всюду рабочий класс был в первых рядах, и только у нас, в России, именем рабочего класса отменили всеобщее избирательное право».

На 2-м съезде Р. С.-Д. Р. П. Г. В. Плеханов говорил, что в случае надобности с.-д. могут и отменить всеобщее избирательное право. Российский революционный пролетариат это и сделал.

В 1850 году Маркс, обращаясь к немецким рабочим, говорил: «вашим боевым кличем является революция без конца». И российский революционный пролетариат в своем победоносном шествии не ограничился свержением самодержавного режима: он перешагнул через республиканский буржуазно-парламентский строй, и создал новый строй, еще неизвестный миру, — строй Социалистической Советской Республики.

На 5-ом Всероссийском съезде Советов была принята и провозглашена перед народами мира конституция, которая, как маяк среди бушующих волн контрреволюционного международного империализма, привлекает к себе истекающий кровью западно-европейский пролетариат. Основная задача конституции в настоящий переходный момент заключается «в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства... в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти». Российская Республика «есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России», и вся власть в стране принадлежит «всему рабочему населению, объединенному в городских и сельских советах».

Строить жизнь на этих новых социалистических принципах для людей, которые имеют «затаенную мысль о возрождении России и культуры», т.-е. которые с затаенной радостью мечтают о том, что вот-вот чехо-словацкие банды на востоке, а англо-французы на севере и юге набросят мертвую петлю на пролетарскую революцию, конечно, не творческая работа.

В основах новой жизни эти господа увидели только готтентотскую мораль и постарались всю работу революции свести к уличному лозунгу: «довольно поездили на нас, теперь мы на них поедем». Это, конечно, клевета на революцию. Трудовые массы города и деревни уже поняли, в чем состоит сущность пролетарской революции, прониклись ею; в самом отдаленном углу знают, что такое Советская власть, она всюду возникает, развивается и крепнет. И народ не даст набросить на себя добровольно ярмо буржуазно-парламентского строя. Вернуть землю помещикам, фабрики и банки буржуазии без решительного боя на смерть нет возможности.

Если несколько месяцев назад мы в нашей героической борьбе за социализм были одиноки, если маловеры сомневались в скором приходе международной революции, то теперь нет основания колебаться в успехе борьбы. Европейский пролетариат рушит троны царей, бегут короли, принцы и кронпринцы теряют короны, и некому их поднять; скоро низвергнет пролетариат и власть капитала. Роль Советской России в этом деле велика. Через путь великих страданий и испытаний под международным натиском империализма она пронесла свое социалистическое красное знамя и уверенно развертывает его над миром. На смену буржуазной армии, сильной казарменной дисциплиной, выросла Красная армия, сильная сознанием того, что она защищает интересы трудового народа от власти буржуазии. Силы ее начинают страшить даже наших врагов, и вырвать из ее рук знамя социализма не так-то легко.

Империализм стремится разорвать революционный фронт российско-германского пролетариата; эта попытка в конечном счете обречена на полный крах. «Красный призрак» настойчиво носится над Европой. Через год пролетарской революции в России мы вступаем в новую полосу международной пролетарской революции. Австрия, Германия, Дания, Бельгия, Швейцария в пламени пролетарской революции. Не сегодня—завтра им будет обьята вся Европа.

Разбитая хищническая потогонная машина экономической жизни,—пролетарская мысль работает над созданием нового аппарата для управления производством. От рабочего контроля над производством мы естественным путем пришли к национализации промышленности, торговли и финансового капитала. Великие трудности стоят на нашем пути. Мы учимся на своих ошибках. Мы прекрасно понимаем, что наладить, и притом еще на новых началах, народное хозяйство, в корне дезорганизованное мировой войной, в несколько месяцев нельзя. Мы прекрасно сознаем, что в широких народных массах крепко живет еще масса мелкобуржуазных собственнических инстинктов и побуждений, мешающих делу организации хозяйства. Это—наследие прошлого, но в своем революционно-коллективном творчестве мы его преодолеем. Если в первые месяцы революции сознание того, что выйти к наиболее высоким стадиям культурного развития можно только, подняв на наиболее высокую ступень производительность труда, было присуще рабочей интеллигенции наиболее развитых отраслей производства, то теперь весь пролетариат употребляет свои усилия к тому, чтобы не только восстановить разрушенную войной нашу промышленность, но установить ее в более совершенной форме.

Нашли враги изо дня в день кричат о «социалистических экспериментах», думая убедить трудовые массы, что малокультурная Россия не может вступить в царство социализма, что ей необходимо пройти путь страданий в республике капитала. Но эти притирания контр-революции оказываются бесплодными и ничемными. Им не внимают и их не оправдывает даже наша российская забитая деревня. Если в первые месяцы пролетарской революции Советской власти удалось свалить власть помещиков, с которыми церемонилось соглашательское правительство Церетели—Керенского, то в данный момент деревня переживает октябрьскую революцию в полном смысле. Происходит выделение деревенской бедноты,

ее организация в комитеты и диктатура этих комитетов над кулаческим элементом в деревне. Если несколько месяцев назад шло расхищение земли, то теперь идет процесс собирания, намечается общественная форма обработки и пользования произведенными благами. Словом, в земледелии совершается тот же процесс, что и в промышленности.

Наши враги на протяжении всего революционного периода беспрестанно кричат о гибели культуры. Они как будто не знают, что в России, как и во всем мире, нет еще единой общечеловеческой культуры, а есть культура буржуазная, анархическая, индивидуалистическая, выродившаяся в культуру империализма, — алчная, кровожадная, звериная. Революционный пролетариат стремится освободиться от пут умирающей культуры. Он вырабатывает свою классовую пролетарскую культуру. В силу многих объективно-исторических условий рабочий класс России, несмотря на свою культурную отсталость, первый поднял знамя социалистической революции, он же первый выдвинул вопрос о социалистической культуре и начал усиленную культурно-просветительную работу, придав ей новое содержание и особый характер.

Если раньше буржуазная интеллигенция давала начатки гуманитарных наук и профессионально-ремесленное знание затем, чтобы рабочий мог получить лучше оплачиваемое место, то теперь пролетариат решительно отбрасывает эту точку зрения. В знании он ищет прежде всего опоры в понимании своей жизни, средства к разрешению очередных задач революции.

В науках пролетариат стремится уловить общий им всем метод, чтобы создать общеорганизационную науку, столь важную в строительстве новой жизни.

Так же и в искусстве. Если для буржуазии искусство — простая забава, развлечение, то для пролетариата оно — одно из лучших средств организации жизни, воспитания нового человека.

В зависимости от этой точки зрения рабочий класс выдвинул остро вопрос о пролетарской науке, литературе, пролетарской музыке, пролетарском театре, пролетарской живописи, скульптуре и т. д., и т. д., и начал в этой области грандиозную работу. Создаются: Социалистическая Академия общественных наук, пролетарские университеты, многочисленные студии Пролеткульта. В этих учреждениях пролетариату предоставляется максимум самостоятельности: он не только пассивный слушатель, как было раньше, но и активный работник, — творец, музыкант, живописец, поэт. Из этих учреждений должны выйти на смену буржуазной интеллигенции новые строители жизни.

За год своей диктатуры пролетариат понял, что сила его революции заключается не только в политической и военной диктатуре, но и в диктатуре культурной. Всею свою творческую работу в этой области рабочий класс закрепил в ниже печатаемых резолюциях Перв. Всер. Конф. Пр. К.-Пр. Орг.

Практически же революционно-культурная работа началась тотчас же после октябрьского переворота, причем пролетариат, освобождаясь от идейной гегемонии буржуазной интеллигенции, становится все смелее, все самостоятельнее в своем творчестве.

Теперь, когда пламя социалистической революции охватывает одну страну за другой, когда открывается единый буржуазно-империалистический фронт, пролетариат, полный непоколебимого убеждения в своей победе, полный революционного воодушевления и революционной воли, создаст свой единый революционный фронт и «выхватит какой-то новый мир из мрака и крови!» Тогда знамя пролетарской культуры будет ярко реять над этим новым миром.

Валерьян Поляяский.

Идеология производства.

I.

«Способ производства материальной жизни,—говорит К. Маркс,—обуславливает весь социальный, политический и духовный жизненный процесс». В понимании того или иного общественного явления самое важное—точка зрения с какого положения оно рассматривается или исследуется. Материалистическое понимание истории в своей основе уже не встречает сколько-нибудь серьезной критики даже со стороны буржуазии. Они просто молчаливо признают его победу. Булгаков в «Философии хозяйства» пишет: «Число фактических последователей экономического материализма гораздо больше, чем открытых и сознательных его приверженцев». Относительно зарождения идей, условий происхождения идеологии, как мы уже сказали, большого спора нет; если и есть вопрос мало выясненный, то это — о роли идеологии в общественном процессе.

Чтобы определить, что такое идеология, мы не будем говорить о происхождении этого слова,—для нас это не так существенно. Элементы идеологии это— слова, речь, понятия. Для человека они служат орудием организации его жизненного опыта. Поясним это примером. В физике установлен всем известный закон, что от теплоты тела расширяются. В этих четырех словах собран, объединен колоссальный практический опыт человечества. И эта формула из четырех слов служит руководством в практической деятельности людей. При всякого рода постройках этот закон физики принимается во внимание и оставляется необходимый запас пространства, чтобы при изменениях температуры можно было избежать разрушения. При употреблении материалов в иных случаях принимают меры иного порядка. Теперь это кажется простым, но прежде, чем человечество дошло до этого идеологического понятия, оно проделало миллион практических опытов, наталкивалось на разрушение своих усилий, растратило гигантское количество сил, пока, наконец, это орудие-формула стало сохранять энергию людей, экономить ее.

Вот другой пример: допустим, столяр делает стол. Чтобы сделать его, ему необходимы технические движения, действия. Каждый столяр стремится сделать стол при наименьшей затрате времени и сил. Он руководствуется в своих действиях как своим опытом, так и тем, который ему передан другими. Таким образом у него выработался порядок, с чего начать и чем кончить. Вот этот логический порядок для производства стола, который он приобрел в процессе долгой практики и еще более долгой практики всего человечества, от которого он получил основу порядка по наследству, и будет называться идеологией стола. Организующую роль идеологии эти примеры показывают с достаточной ясностью. Для начинающего столяра нет надобности искать порядка, по которому он должен делать ту или иную мебель,—ему достаточно прочитать руководство или усвоить его из устной передачи, а в дальнейшей практике он может только совершенствовать этот установившийся до него порядок.

Приведенные нами примеры ясно показывают огромное организующее значение идеологии. Чем правильнее и стройнее учитывает идеология практику, тем в большей мере способствует экономии человеческих сил, а при этом дает и большие результаты. Она предохраняет от ненужной растраты сил и ненужных повторений того, что уже пройдено. Но при всем положительном огромном организующем значении идеологии она имеет отрицательную сторону: идеология консервативна, сама по себе не изменяется. Ее изменение происходит только в практическом действии, когда встречается с тем или иным практическим противоречием, с препятствием, когда она не соответствует новой практике, не может ее организовать. И в этих случаях сплошь и рядом нужно не одно противоречие, а десятки, после чего она изменяется, сдвигается с установившегося порядка. Каждому известно, что чтобы установившуюся привычку у какого-нибудь работ-

ника изменить на более совершенную, нужно не один раз показать более совершенный способ, а для отдельной личности нередко бывает и это безрезультатно.

Кроме этого, идеология в общественной жизни имеет еще одну сложную сторону. Идеология обуславливается материальным способом производства. В капиталистическом обществе наряду с основным его способом производства существуют и другие, начиная с старо-феодалного, кончая империалистическим. Таким образом, в современном обществе имеется столько же идеологий, сколько способов производства. Они как бы образуют целый ряд этажей, друг с другом переплетаются и оказывают соответствующие влияния на живущих в этом обществе людей, влияют на их практические действия и установление классовых отношений. Чтобы разобраться в этом переплете, нужно глубокое классовое сознание.

Приведу пример. У Чехова в рассказе «Злоумышленник» необыкновенно ярко изображены два мировоззрения, две идеологии представителей двух различных классов и способов производства. А. Чехов с присущим ему юмором рассказывает производство судебным следователем допроса мужика, который отвинтил на полотно железной дороги от рельса гайку. На вопрос следователя, для чего он отвинтил гайку, мужик отвечает: «Коли б не нужна была, не отвинчивал бы». — «Для чего же тебе понадобилась эта гайка?» — «Гайка-то? Мы из гаек грузила делаем».

«Кто это—мы?» — «Мы, народ... Климовские мужики, то-есть». Дальше следователь говорит мужику, что за злоумышленное повреждение железной дороги, на основании такой-то статьи, виновный подвергается ссылке в каторжные работы, а затем просит служителя арестовать его и отвести в тюрьму. Мужик изумлен, ему не верится, что это происходит не во сне, а наяву, он никак не может понять, за что его сажают в тюрьму. Он отвернул гайку, которая ему была нужна, там еще остались другие, — какое тут может быть наказание? При этом то же делают все климовские мужики, а он мыслит себя нераздельно с ними: «Мы, народ». Общинный строй жизни, в особенности в его чистом виде, не имеет строгого понятия о границах собственности, где кончается мое и где начинается общее, которое можно брать, если не все, то во всяком случае часть. Следовательно — представитель буржуазного строя, где все строго регламентировано, собственность священна и неприкосновенна, и нарушивший этот закон подлежит неминуемо преследованию. Два представителя разных классов, и, главное, разного строя, разных способов производств, — один — общинного, другой — капиталистического, с диаметрально-противоположной идеологией, и поэтому каждый различно понимает один и тот же жизненный факт и делает из него противоположные выводы. В данном случае Чехов изобразил психологию представителей двух различных способов производств в ее чистом отдельном конкретном проявлении. В действительной жизни во всем ее объеме при существовании различных форм и способов производств психология тех и других представителей носит смешанный характер. Основная психология класса облекается тиной пережитков, а ее основное ядро приходится очищать при помощи развитого сознания класса и таким образом выявлять подлинное его лицо.

В общественной жизни встретить идеологию того или иного класса в чистом виде не представляется возможным. Мы только можем наметить ее основное направление, основную форму. Чтобы установить психологию индустриального пролетариата, все сказанное выше мы должны будем принять во внимание.

II.

В конце предисловия книги «К критике политической экономии» Маркс пишет: «Развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем и материальные условия для разрешения этого антагонизма (между пролетариатом и буржуазией. Ф. К.). Этой общественной формацией и завершается пролог настоящей истории человеческого общества». Эти условия, предсказанные Марксом на основании анализа развития экономических форм,

имеются в настоящее время налицо. Современный империалистический капитализм можно характеризовать началом обобществления, обезличения и анонимностью. В финансовой области капитал монополизирован в группы банков или, как их называют, концерны, кучка крупных владельцев капитала диктует свою волю, подчиняя себе не только отдельных капиталистов, но и целое государство. «В Германии перед войной 9 крупнейших берлинских банков имели у себя на руках больше половины общей суммы вкладов всей страны». «Один немецкий банк руководил не менее как 58 другими банками». «В Америке всего две гигантских организации, Рокфеллеровская и Моргановская, господствуют над кредитом всей страны».

Капиталист в значительной степени уже теряет право собственности, — он не может по своему произволу перемещать капитал. «Отдельное лицо (пишет Гельфердин) имеет право только на выручку; собственность, которая некогда знаменовала фактическое неограниченное распоряжение средствами производства а следовательно и такое же руководство производством, теперь превратилась в простой титул доходности, — у отдельного лица отнято право располагать производством».

У современного капитализма право собственности в его чистом виде подорвано: он становится анонимным, складывается в зачаточные формы обобществления, в своеобразный и смутный, но несомненный прообраз социалистического строя.

В управлении предприятий наблюдается автоматизация и тоже анонимность. Надзор за выходом на работу вместо табельщика исполняют контрольные часы, чуждые какого бы то ни было личного усмотрения. Надзор мастера превращается лишь в техническое руководство, но и оно крайне сужено и ограничено. Это руководство устанавливается путем чертежников и установщиков. Опять-таки личное усмотрение устраняется, — рабочим руководит бесчувственный и безличный чертеж, — плод коллективной работы, которому рабочий строго должен следовать. Кроме этого, техническое руководство осуществляется целым рядом технических указателей, приспособлений, шаблонов, калибров измерительных и регулирующих инструментов. Таким образом, и роль руководителей сводится к выполнению простой работы. Расстояние между рабочими и лицами, выполняющими административные обязанности, стирается. Они являются исполнителями тех же предначертаний, которые диктуются внутренним смыслом, логикой развития предприятия или целой группы, целым объемом данного производства в мировом масштабе. Административный надзор и техническое руководство, вся система того и другого вырабатывается в бюро изысканий, в фабриках изобретений. Там собирается весь опыт производства, учитываются все его достоинства и недостатки, производятся опыты, а потом уже, строго проверенные и испытанные, применяются, как система или частное усовершенствование в конкретном производстве, прямо на деле, где оно без всяких личных усмотрений и субъективных мудрствований строго выполняется.

В области самого развития техники наблюдается тоже тенденция автоматичности и анонимности. Случайное проявление индивидуальной инициативы в развитом технически производстве становится пережитком. Время Уатта (изобретателя паровой машины) и Аппарайта (изобретателя ткацкого станка) прошло; это — только преданья старины. Современный рабочий — простой исполнитель по шаблону, чертежу, где изобретательность до крайности ограничена, — она может иметь место только в мелких усовершенствованиях отдельных частей. Весь ход развития современной техники говорит, что современем и в этой части изобретательность отомрет. Все развитие техники переносится в те же лаборатории изысканий, в фабрики изобретений. Двери этих лабораторий со всеми приспособлениями открыты и для рабочих, где они могут найти все средства для своих изобретательских замыслов. Изобретения из области счастливой случайности, находки переходят в организованную, систематическую и строго сознательную работу. В области изобретений получается непрерывность. Старые случайные взрывы творческого вдохновения изобретательности сменяются в таких лабораториях постоянной его работой. В них собирается и объединяется не отдель-

ный индивидуальный опыт, который имеет случайный характер, с пробелами и провалами, а ведется учет опыта коллективными силами всей индустрии.

В учет входят не только системы предприятий, но и простой взмах пилы рабочего. Такое объединение опыта и создает возможность установить непрерывность и организованность творческой изобретательности.

Приемы рабочих в предприятии приспосаблиются к машинам, происходит машинизирование, неумолимое исполнение предначертанной логики действующих механизмов ¹⁾.

На первый взгляд новая индустрия, в которой мы видим общие контуры прообраза социалистического строя, рисуется в неприглядном свете, а на идеалистически настроенных людей может произвести гнетущее впечатление. Всюду механизирование, рабочие становятся как будто рабами машин, систем, планов, бездушную волю которых они вынуждены выполнять. Психология пролетариата на этой почве создается слишком однородно, а постоянное повторение механических однородных строгих движений отсюда досюда создает железную дисциплину, что при реакционном политическом строе может принять нежелательный застойный характер психологии. Так это до некоторой степени наблюдалось у германского рабочего.

Процесс машинизирования, приспособления движений, жестов рабочего к машине, подчинение логике всей системы предприятия законам ее развития имеет место. Но через него рабочий класс неизбежно должен пройти, это—подготовительный класс перехода к социализму, который предполагает самую высшую форму дисциплины и организованности. Именно такая система сознательной дисциплины и создается по воле развивающихся производительных сил в последний переходный момент капитализма. Быть противниками этого естественного процесса нам нет никаких оснований. Единовременно с этим процессом, на ряду с ним, наблюдается другая. Стираются грани между квалифицированными рабочими и рабочими необученными. Эти грани стираются между мастерами и рабочими. С постоянным движением развития техники облегчается переход с одной профессии на другую. Этими и другими разными путями создаются условия, повышающие уровень интеллигентности рабочих. В особенности этому способствуют уменьшение рабочего дня и отчасти развитие общей культуры. Но еще в большей и разительной степени процесс культуры рабочего класса до крайности облегчается в Советской России, где полный и широкий простор развития пролетарской культуры создает возможность для быстрого прохождения переходного периода к социализму. Есть еще одно весьма важное обстоятельство в системе отношений империалистического капитализма, а именно, что каждый рабочий в этой системе больше, чем во все другие периоды, есть неразрывное и необходимое звено в данном производстве во всей его системе. Все встречаемые противоречия в процессе работы у отдельного рабочего не есть уже противоречие личного, персонального характера,—с этим противоречием сталкивается вся система, оно выступает отчетливее и легче поэтому поддается учету и устранению. Стихийность и случайность в этой системе все меньше и меньше имеют место,—растет власть сознания строгого учета.

Нам могут заметить, что рабочий при этой картине, которая скопирована нами с наметившихся очертаний формы производственных отношений империалистического капитализма, обрекается на неприглядную роль исполнителя воли и предначертаний весьма значительного меньшинства, которое сидит в бюро изысканий, распределений и управления. Да, ответим мы, это так, но это меньшинство пользуется властью в такой же мере, как рабочий в изменении приемов, способов работы по отношению к выполняемой им части продукта, той или иной части производства. Приемы рабочего диктуются свойствами данной вещи, которую он обрабатывает, и той целью, для которой предмет, продукт предназначается. Свобода его выбора только в изменении скорости и совершенства. Власть бюро изысканий или управления имеет место только в пределах совершенства систем

*) Желающим более полно ознакомиться с картиной новой индустрии мы рекомендуем прочитать замечательную статью А. Гастева: «Новая индустрия». «Вестник Металлиста», № 2.

производства, его облегчения и ускорения. Но и она с каждым шагом движения рабочего класса вперед теряет и те крохи власти, которыми располагает в настоящий момент. Эта власть в неизмеримо значительной степени меньше даже той, которую имеет любой общественный вождь класса или группы. Власть вождя простирается только до тех пор, пока он правильно учитывает интересы своего класса. Но в общественной области еще может допускаться больший произвол, больший уклон в ту или иную сторону, ибо в ней учет возможен в гораздо меньшей степени, чем в технике, основанной на более точных науках. Там еще возможно временное заблуждение масс, в особенности, если их вождь обладает большим талантом оратора, литератора и т. д. Но и в общественной области шансы произвольной власти вождя минимальны и ограничены временем.

Чтобы отчетливее уяснить роль идеологии и роль производительных сил, мы дадим общую картину развития, общий контур идеологии буржуазного производства.

На заре своей юности в XVIII веке, в начале французской революции, когда буржуазия начала борьбу за власть, она в основу своей идеологии клала материализм и разум. Настолько велико было в то время господство сознания или, как они называли, разума, что буржуазия этот разум провозгласила божеством, высшим существом. Но по мере укрепления ее власти, чем больше развивалось буржуазное производство и увеличивалась потребность в его развитии, тем больше увеличивались противоречия с порожденным капиталистическим производством классом пролетариата, а в связи с этим вставал призрак социализма. По мере роста очевидности призрака социализма, превращения его в неотвратимую реальность, стала меркнуть у буржуазии предстель веры в силу разума. Разум в буржуазном сознании стал бледнеть. В XX веке буржуазные идеологи объявили банкротство сознания—разума. На место разума самые талантливые буржуазные философы и ученые—Бутру, Бергсон и целый ряд других выдвинули интуицию, инстинкт и всякого рода мистические теории. Законом жизни провозгласили сверхъестественное и непонятное, лишь бы только закрыться от наступающего и превращающегося в реальность и конкретность социализма. Еще ярче, чем в науке, такое упадочное развитие буржуазной идеологии проявилось в искусстве. Появились всех родов и цветов утонченные мистики, акмеисты, эго-футуристы и всякая другая чертовщина, объявившая войну разуму, истории и всему накопленному человечеством опыту, заменив все это инстинктом и что взбрдет в голову.

Противоположную картину представляет процесс развития в капиталистическом производстве. В нем царит вначале власть стихийности и неорганизованности, слабая организованность в технике и безраздельная стихийность и анархия в процессе производства и распределения. Будучи вначале слишком индивидуализировано, каждое предприятие находилось под властью только отдельного хозяина и развивалось под знаком персональной индивидуальной наживы,—это развитие сталкивалось с жестокими местными кризисами в том или ином производстве однородных продуктов. Но по мере роста капитализма и роста в связи с этим техники происходило объединение в синдикаты, а вместе с этим наблюдается и большая организованность, масштаб кризисов расширяется как территориально, так и по различию характера продуктов производства. Вершина относительной организованности и победа над стихийностью достигнута в современный период империалистического капитализма. Но здесь власть сознательного расчета в производстве достигла своих пределов, он не мог закончить своего развития,—столкнулся с гигантским, еще невиданным жесточайшим кризисом, захватившим весь мир, и выразился в переживаемой нами мировой войне. Стадия капитализма закончена,—он не мог окончательно преодолеть стихийности; победа организованной сознательности завершит свое развитие в социализме. Так шли одновременно два процесса идеологической и производительных сил в противоположную сторону. Второй—в недрах буржуазного общества в своей основе производственной формы складывается в прообраз социалистического производства, а первый процесс, идеологический развивался в скрывающую оболочку, которая в настоящий момент гигантской бойни взрывается с не-

виданной миром силой, устилая нашу планету бесчисленными трупами. Пролетариат призван историей «не плакать и не смеяться, а понимать»;— вместе с пониманием законов общественного развития он должен действовать.

Современный империалистический капитализм обнаруживает все признаки безликой, обобществления, а в соответствии с этим создается и коллективистическая психология индустриального пролетариата. Эту наметившуюся форму организации в производстве, где все строится на строгом учете опыта всего производства в целом, где работник—только сознательное дисциплинированное звено в цепи всего коллектива,—эту форму пролетариат должен перенести в идеологически культурную работу. Этим самым мы будем содействовать окончательному оформлению психологии пролетариата, которая, будучи опутана буржуазными пережитками, обнаруживает еще неокрепшие признаки социалистической психологии, порывая окончательно со стихийностью и случайностью, заменяя их сознательной организованностью и дисциплинированностью, строя нашу организацию, таким образом, на учете и объединении каждой крупицы индивидуального опыта, синтез которого пускается снова в оборот для дальнейшего расширения и развития. Таким образом, пролетариат создает условия для окончательного укрепления социализма. По выражению Энгельса, «из царства необходимости пролетариат сделает прыжок в царство свободы». Это значит—власть сознания в социалистической общественности достигнет окончательного торжества над стихийностью и случаем. Только при социализме человечеству удастся все свои практические и идейные проявления ввести в рамки организованности и таким образом сознательно производить их учет, отбор, классификацию.

Федор Калинин.

Пролетарский Университет.

Первая Всероссийская Конференция Рабочих Культурно-Просветительных организаций поставила перед пролетариатом задачу «социализации науки». Это означает переработку современной науки по форме и содержанию с коллективно-трудоу точки зрения и передачу ее в таком преобразованном виде рабочим массам.

Конференция указала и основные организационные средства к достижению этой грандиозной цели. Они таковы:

«1) Создание Рабочего Университета—целостной системы культурно-просветительных учреждений, построенной на товарищеском сотрудничестве учащихся и учащихся и последовательно ведущей пролетария к совершенному обладанию научными методами и высшими достижениями науки.

«2) На основе деятельности Рабочего Университета—выработка Рабочей Энциклопедии, стройного, доведенного до наибольшей простоты и ясности, изложения методов и достижений науки с пролетарской точки зрения».

Здесь слово «Университет» употреблено не в обычном современном его значении, а в его первоначальном гораздо более широком смысле: вся совокупность образовательных и научных учреждений разных ступеней в их общей связи, в единстве их цели.

Очевидно, что такая система должна иметь свой центр, и этим центром должно быть высшее научное и учебное учреждение. По аналогии со старыми буржуазными университетами его тоже можно назвать «Университетом» в узком смысле слова. О таком «Пролетарском Университете» говорит другое постановление Всероссийской Конференции Пролеткульта. Оно намечает задачи этого Университета, основы его организации, общий программный план. А в настоящее время начались работы Организационной Комиссии по устройству П. У. в Москве.

Кроме того, в Москве уже организовалось учреждение общероссийского масштаба, имеющее самую тесную связь с идеей Прол. У-та; это именно Социалистическая Академия.

Собрать и осветить тот организационный опыт, из которого исходят эти проекты и попытки, стало насущной задачей, от выполнения которой в значительной мере будет зависеть успех всего дела. Попытаемся сделать для нее то, что возможно в пределах материала доступного автору и в рамках журнальной статьи.

I.

Восемь лет тому назад, предлагая и обосновывая в легальной брошюре лозунги Пролетарского Университета и Рабочей Энциклопедии, я рассказывал, как сама жизнь привела меня к ним. Много приходилось не договаривать по цензурным условиям: даже заглавие брошюры понадобилось извратить, — вместо «Культурные задачи пролетариата» написать «Культурные задачи нашего времени». Теперь повторю повествование, раскрывая скобки.

Около середины 90-х годов прошлого века в г. Туле молодой рабочий, Иван Иванович Савельев организовал кружки на оружейном и патронном заводе. Это был выдающийся, быть может, гениальный организатор, к торый, к несчастью, сторел, не успев развернуться, через 5—6 лет; одна из прекрасных сил, загубленных проклятым прошлым. Он долго и безуспешно искал в этом, тогда весьма глухом провинциальном центре интеллигентов для пропаганды, пока не нашел меня, стоявшего на распутьи между народолюбством и марксизмом. Затем к нам присоединились В. Базаров и И. Степанов.

Пропаганда велась большую часть года в близлежащих лесах, зимою — в рабочих каморках. Группа держалась необычно долго — 4—4½ года; мы имели возможность проводить в кружках довольно обширные курсы, главным образом, конечно, политической экономии. Мы приступали к делу с очень небольшим научным багажом и во многом неясными представлениями даже о научном социализме. Наша неопытность была так велика, что я, напр., пытался привести своих слушателей к изложению «Капитала» через «Экономические беседы» Карышева и «Курс политической экономии» Иванюкова, — книги, не имеющие ничего общего с марксизмом, и потому, разумеется, совершенно непригодные для нашей цели. Это и было весьма скоро мне выяснено нашими слушателями.

Те десятки юношей-рабочих, которые проходили через наши кружки, в общем далеко не были еще теми избранными по умственной активности и испытанными в жизни людьми, которые должны составить основу первых слушательских кадров Пролетарского Университета: в подпольных условиях при отсутствии реальной политической работы они набирались сравнительно случайно, по личным связям и по внешним признакам интеллигентности. Тем не менее они отнюдь не были просто пассивным материалом для педагогического воздействия, и простая добросовестность требовала бы от нас признания, что их роль в системе нашей пропаганды была в значительной мере направляющей и регулирующей.

Их вопросы и комментарии к тому, что мы вместе читали, скоро убедили меня, что выбранные «пособия» не соответствуют их требованиям, и особенно — самому складу их мышления. Объяснительное чтение быстро превратилось в скучное предисловие, за которым следовали живые беседы, уходившие очень далеко от затронутых чтением сюжетов. В этих беседах стихийно и упорно выступали определенные тенденции, само собою намечалось определенное направление для ищущей мысли молодого лектора соединять, как звенья одной сложной цепи развития, явления технические и экономические с вытекающими из них формами духовной культуры. Пришлось поневоле перейти к составлению собственного курса лекций, в котором материал комбинировался в такой именно связи: получался «Краткий курс экономической науки», потом легально изданный после варварских цензурных операций.

А затем запросы слушателей шли дальше и дальше и захватывали сложнейшие темы естествознания и философии; лекторы принуждены были сами учиться

многому, о чем раньше им казалось достаточным иметь беглые поверхностные сведения.

Было совершенно невозможно за короткое время передать слушателям фактический материал во всех областях, которые вызвали их живой интерес. Это заставляло лекторов иначе ставить и самую задачу, употреблять главные усилия на то, чтобы научить слушателей учиться, указать им пути и средства к самостоятельной работе. Приходилось сосредоточивать внимание на методах тех наук, о которых надо было давать понятие. При этом оказывалось, что слушателей наших занимает и привлекает всего более не специализированный характер различных методов, а, напротив, их взаимная связь, то, что в них находится общего и сходного. Мы наталкивались на какое-то прирожденное стремление к монизму, от нас требовали—не всегда с успехом, разумеется,—монистических ответов на всевозможные проклятые и не проклятые вопросы. В эту сторону должна была направляться деятельность и нашей собственной мысли; для меня лично это в сильнейшей степени предопределило характер всей последующей научной и философской работы.

А между тем в данном случае слушатели-рабочие могли дать нам, своим руководителям, лишь неопределенное, так сказать, стихийное руководство, которое вытекало просто из их социальной природы, навязывалось складом их мышления, отчетливо даже неоформленным, но коренившимся глубоко в условиях коллективно-трудовой их жизни.

Эта, быть-может, самая длительная и систематичная из пропагандистских попыток того времени заронила в нас впервые идею Рабочего Университета. Для нас попытка эта была и осталась не только его наивным прообразом,—она явилась также началом нашего собственного воспитания в пролетарском духе, первым курсом *нашего* «Рабочего Университета».

II.

За пропагандистской работой последовала агитационная. Потом настало время широкой политической борьбы. Пришла первая волна Русской Революции,—1905—6 годы.

Дни свобод позволили развернуть агитацию и пропаганду в несравнимых с прежним размерах. Но ни в составившихся программах пропаганды, ни в самой ее практике не выступала сколько нибудь заметно идея Рабочего Университета, как и сама идея пролетарской культуры вообще оставалась в зародыше. Политика господствовала всецело, и характер работы был почти исключительно демократический; о социализме упоминалось лишь как об отдаленной цели, чтобы немедленно перейти опять к политике дня, к демократическим лозунгам.

Это было вполне естественно, это неизбежно вытекало из обстановки. Уровень развития нашего рабочего класса был таков, что ему еще не хватало и собственно демократического воспитания; а судьба его усилий и всей революции зависела от того, поддержит ли его остальная демократия, т.е. именно крестьянство; пролетариату надо было во что бы то ни стало связаться с крестьянством, что было возможно лишь на общедемократической почве.

Поэтому, хотя мы, представители старой пропаганды, постоянно указывали тогда же на необходимость расширения задачи в смысле социалистического воспитания пролетариата и московские большевики, в частности, усиленно настаивали на этом, но даже литературу соответственного типа нам удалось развить только в самом ограниченном масштабе.

Когда первая волна революции разбилась об инертность крестьянских масс и армии, когда пролетариат был оттеснен с политической арены, а интеллигенция в огромном большинстве отшатнулась от социалдемократии, тогда настало время серьезнее и глубже подумать об этом вопросе.

Жизнь как нельзя нагляднее показала, что рабочий класс должен полагаться только на себя, что в дальнейшем ему предстоит всецело самому вести свое дело. К этому надо было усиленно и спешно готовиться.

III.

Партийная рабочая школа 1909 года на острове Капри была устроена по инициативе группы так наз. «левых большевиков», впоследствии «впередовцев». Самую активную роль в ее организации сыграл рабочий-философ Никифор Вилоньев вместе с М. Горьким, Луначарским, М. Покровским и др. Русским организациям было предложено послать в эту школу специально выбранных товарищей. Организации распадались, переправа через границу была очень трудна; набралось всего четырнадцать слушателей. И так как не все пославшие их организации ясно понимали смысл и значение дела, то даже эти немногие не все соответствовали тому уровню сознательности и активности, какой требовался для участников пролетарской высшей школы; по большинству все же стояло на уровне задачи.

Это обнаружилось уже тогда, когда впервые собравшийся Совет школы, — в него входили на равных правах все лектора и слушатели, — стал устанавливать программу и распределение курсов. «Ученики» знали, чего они хотели от школы, и внесли со своей стороны в программу ряд изменений, из которых большая часть оказались затем полезными и целесообразными. Курс получился крайне концентрированный: целый ряд важных и трудных предметов был втиснут в период 4½ месяцев. Эта концентрированность препятствовала до некоторой степени тому широкому и свободному общению лекторов и слушателей, какое должно будет установиться в настоящем, а не зародышевом Пролетарском Университете. Этим, очевидно, суживалась и руководящая роль коллектива слушателей в самом ведении занятий. Однако, и здесь на деле выяснилось, что они отнюдь не склонны оставаться в рамках пассивной и легкой роли «обучаемых»: люди, уже раньше умевшие много учиться и думать, в общем довольно образованные, несмотря на различные пробелы в познаниях и недостаток их систематичности, они критически воспринимали все, что им предлагалось и подвергали серьезному обсуждению как содержание, так и форму лекций. Университетские профессора обычного типа, важные чиновники капиталистического государства, вряд ли примирились бы с такими отношениями. Лектора школы были почти все люди немолдые, с выработанными взглядами, обладавшие каждый в своей отрасли некоторой известностью; однако, они вынесли не мало полезных указаний из дебатов со слушателями. — В этих условиях становится невозможной та довольно обычная для старых университетов картина, что один и тот же курс повторяется стереотипно без улучшений без переработки одному выпуску за другим.

Программа школы относилась почти исключительно к области общественных наук и социальной философии; естествознание было едва затронуто несколькими, так сказать, сверхштатными лекциями. Эту односторонность и лектора, и слушатели признавали существенным недостатком работы; и те, и другие представляли себе программу Пролетарского Университета охватывающей все основные отрасли науки. Но ограниченность времени и лекторских сил не позволяла поставить дело в таком масштабе.

IV.

В работе школы росла и крепла идея Пролетарского Университета. Вместе с тем и в слушателях, и в лекторах укоренялось все глубже сознание того, что она — лишь часть, лишь один из выводов идеи еще более широкого, всеобъемлющего захвата: идеи Пролетарской Культуры. Это внушалось всем характером научной работы школы, как и бытовой ее организацией.

Но рядом было и нечто иное. Жизнь вообще не идиллия, а в ту эпоху глухой реакции она была ею меньше всего. Элементы распада и разложения, шедших в организациях партии, были с самого начала занесены в школу и в свою очередь развивались. Вначале они были скрыты и незаметны, а к концу школы вырвались в виде дезорганизующей фракционной борьбы. Большинство слушателей осталось верно идее школы; меньшинство отпало под лозунгом протеста против самого *дуга* школы. Естественно, что это была не наиболее ценная часть, а именно те,

которые попали в школу по недоразумению неподготовленными к ее трудной работе, под руководством одного довольно развитого и искреннего человека, но ожесточенного фракционера и одного впоследствии расстрелянного провокатора. Борьба отравила последние дни существования школы, но не помешала довести дело до конца. Более того—она дала толчок к более ясному осознанию и более решительной формулировке новых принципов,—дух прошлого дал наглядную иллюстрацию тех болезней и слабостей нашей работы, с которыми надо было бороться.

В платформе, выработанной коллективом слушателей и лекторов и вскоре напечатанной под фирмою группы «Вперед» культурно-революционные задачи намечались следующим образом: «...Социалистическое сознание рабочего класса должно охватывать не одну его непосредственную борьбу в области политики и экономики, но всю его жизнь. Пролетариат и его союзники—социалистическая интеллигенция—вышли из старого мелкобуржуазного и буржуазного мира,—в нем они сначала воспитывались; поэтому, сами того не замечая, они сохраняют многое из его привычек и склонностей, из его духовного склада и даже вносят в революционную работу. Например, ни для кого не тайна, сколько вреда пролетариату, да и всему революционному движению приносит индивидуализм очень многих деятелей, их личное честолюбие, стремление выдвинуться, отвращение к товарищеской дисциплине, нетерпимость к товарищеской критике. Борьба взглядов благодаря этому часто осложняется, а потом и заслоняется борьбою самолюбий, силы организации тратятся на бесплодные внутренние столкновения. Не меньше вреда приносит и широко распространенная среди партийных работников привычка слепо доверять известным авторитетам, полагаться на мнения тех или иных признанных вождей, не взвешивая, отвергать всякие сомнения в их правоте»...

Далее выяснилось, что борьба против этих явлений от случая к случаю отнюдь не решает дела, пока остаются их общие основные причины; из них должна исходить, против них направляться действительная постановка задачи:

«Буржуазный мир, имея свою выработанную культуру, наложив отпечаток на современную науку, искусство, философию, через них незаметно воспитывает нас в своем направлении в то время, как классовая борьба и социалистический идеал влекут нас в противоположную сторону. Вполне порвать с этой исторически создавшейся культурой нельзя, ибо в ней мы можем и должны почерпнуть могущественные орудия для борьбы с тем же старым миром. Принимать же ее так, как она есть, значит было бы сохранять в себе и то прошлое, против которого ведется борьба. Выход один: пользуясь прежней буржуазной культурой, создавать, противопоставлять ей и распространять в массах новую пролетарскую: развивать пролетарскую науку, укреплять истинно товарищеские отношения в пролетарской революционной среде, вырабатывать пролетарскую философию, направлять искусство в сторону пролетарских стремлений и опыта. Только на этом пути может быть достигнуто целостное социалистическое воспитание, которое устранил бесчисленные противоречия нашей жизни и работы и во много раз увеличит наш силы, а в борьбе в то же время приблизит к социалистическому идеалу, вырабатывая все больше его элементов в настоящем».

Если бы это одно осталось от нашей первой рабочей школы, и тогда можно было бы сказать, что усилия, потраченные на нее, не пропали даром. Но не пропала даром и выработка нового типа высшей пропаганды, нового типа организации школы, наша работа над ее программами: все это находило потом и находит особенно в настоящее время свое применение. И даже из столь малого числа слушателей школы мне удалось теперь, спустя девять лет, встретить пять человек, выполняющих ответственную революционно-организаторскую работу: для наших русских условий этого времени—поразительный процент сохранившихся и действующих.

V.

За первой школой через год последовала вторая в г. Болонье. Слушателей было опять немного, человек восемнадцать; и из них, благодаря продолжавшемуся

распаду организаций в России, представителей оттуда было только около половины; остальные были рабочие-эмигранты, собиравшиеся ехать обратно на революционную работу. Но уровень развития и активности был не ниже, чем в первой школе, и остальных даже меньше. Лекторских сил нашлось больше: кроме левых большевиков первой школы, согласились принять участие некоторые особенно чуткие к запросам жизни из числа видных меньшевиков: тов. Троцкий, Коллонтай, Павлович-Волонтер, также П. Маслов. А приглашали мы, как и в первую школу, представителей всех фракций.

Характер программы в общем не изменился: это была опять школа социальных наук. Но выработка курсов, разумеется, была совершеннее, так как опиралась на опыт первой школы. Времени для работы имелось на месяц больше, и удалось значительно усилить практические занятия. В числе их были, напр., такие, что слушателями без участия лекторов был составлен и выполнен примерный номер журнала; он был вполне удачен и по построению, и по идейной выдержанности, и в чисто литературном отношении. Были также общие дискуссии по спорным научным вопросам. По вопросу о теории земельной ренты докладчиками явились два лектора, стоявшие на разных точках зрения; в их критике слушатели участвовали самым активным образом.

Организация занятий и метод преподавания сложились и оформились там уже настолько, что для Пролетарского Университета полученные результаты могли бы служить подходящим исходным пунктом.

Но это было еще за шесть лет до новой революционной волны, которая впервые создала объективные условия для организации такого Университета.

VI.

Революция, вышедшая из мировой войны, поставила у нас культурную задачу рабочего класса в полном ее масштабе. Жизнь предъявила ему гигантские требования, сначала в смысле спешной самоорганизации, потом в смысле вынужденного руководства всей государственной и хозяйственной жизнью страны в состоянии величайшей разрухи и обнищания. Культурная отсталость мучительно чувствовалась во всех попытках разрешения этих задач, а в то же время было ясно, что механическое усвоение организационных форм и методов старой культуры недостаточно для действительного решения, ибо как раз эти формы, эти методы и привели к небывалому краху. Идея самостоятельной пролетарской культуры приобрела характер ультиматума, поставленного историей нашему рабочему классу.

Вопрос о Пролетарском Университете являлся одним из неизбежных и важнейших выводов отсюда. Тем не менее первый год революции не успел поставить его на очередь. Культурная работа исходила из конкретных потребностей, выдвигавшихся в ходе революции, а потому шла от частных задач к общим; и в просветительном деле работа у нас началась с массы практических курсов, а также курсов общеобразовательных в смысле гражданской и вообще социальной грамотности, как различные «солдатские университеты», «районные курсы» и т. п. Но требования жизни расширялись и становились все радикальнее: ни узкопрактические краткосрочные курсы, ни школы социальной грамоты не могли дать опоры для самостоятельного социального строительства. Выступил вопрос о высшем пролетарском образовании.

К нему подходили с двух различных сторон, намечали два разных пути для его решения. Одни предполагали просто использовать аппарат старых государственных, т. е. буржуазных университетов, приспособив его для этой цели при помощи некоторых реформ и дав свободный доступ к нему всем желающим товарищам. Другие — и мы в том числе — находили, что решение частью недостаточным, частью даже ошибочным, и воскресили лозунг Рабочего Университета.

Первые рассуждали очень просто. Если старые университеты могли приготавливать достаточно организаторских сил для хозяйства буржуазии, то, служа

рабоче-крестьянскому государству, они приготовят их сколько потребуется и для него. Прежняя организаторская интеллигенция в большинстве не желает служить ему,—надо заставить университеты создать новую интеллигенцию, пролетарскую, надо, следовательно, ввести в них кадры студентов-рабочих. Препятствие—в том, что у рабочих не хватает предварительных знаний и предварительного усвоения методов: умения пользоваться литературой, лабораториями и т. п. Все это следует им дать путем ряда подготовительных курсов; если и устраивать «рабочие университеты», то для этой же цели и с таким же захватом. Конечно, старые гимназии за 7—8 лет весьма плохо выполняли эту задачу, и до сих пор студентам приходилось начинать все с того же усвоения методов работы; наши целесообразно устроенные курсы выполняют ее гораздо лучше за первый же год работы. А тогда аудитории университетов наполнятся рабочими-студентами; и через каких-нибудь 2—3 года,—ибо эти студенты будут учиться не так, как прежние,—рабоче-крестьянское государство получит многочисленную и надежную рабочую интеллигенцию.

Сторонники этого плана исходят из той мысли, что университетская наука и есть наука вообще, т. е. внеклассовая. Мы же думаем, что это—наука буржуазная и, следовательно, обуржуазивающая; только люди, обладающие глубокой пролетарски классовой сознательностью, способны противостоять этому влиянию, а не те, кто получили лишь спешную подготовку в общей технике научной работы. Опыт показал, что старая наука и сама по себе, даже при вполне самостоятельном ее изучении, нередко из энергичных выдающихся рабочих, которые вопреки всем препятствиям ей отдавались, вырабатывала буржуазных интеллигентов. Тем сильнее это действие в обстановке и атмосфере веками сложившейся университетской организации, буржуазно-классовой по происхождению, при руководстве старых ученых, в этом же духе ею воспитанных. Чтобы использовать науку этих университетов, пролетарию надо *уже* стоять выше нее по своему миропониманию, быть подготовленным к ее *критическому*, а не просто ученическому восприятию. Следовательно, и для этой цели Пролетарский Университет необходим,—не как замена гимназии, а как школа целостного мировоззрения и глубокого овладения научными методами.

Но рабоче-крестьянское правительство реформирует старые университеты... Может быть, эта реформа, идя дальше и дальше, как раз и превратит их в то, что для пролетариата требуется? Возлагать на это надежду было бы крайне ошибочно.

Дело в том, что перестраивать организации, созданные работой веков и вполне оформленные, вообще несравненно труднее, чем строить вновь. Только при одном условии такая перестройка может идти быстро и успешно,—когда она делается *по готовой модели*. Но вырабатывать эту модель в самих же старых университетах, т. е., очевидно, в неизбежном сотрудничестве с представителями буржуазной науки, значило бы извратить решение задачи в самом его зародыше. Ясно, что такая модель должна вырабатываться вполне самостоятельно в пролетарски классовой идейной обстановке.

VII.

Весною 1918 года была сделана попытка организации Пролетарского Университета в Москве. Она кончилась полной неудачей. При ее ликвидации причины были вполне выяснены.

Первая и, быть может, сама по себе уже достаточная заключалась в том, что дело не из коллектива исходило и не коллективно велось с самого начала. Это было инициатива небольшого кружка лиц, проявивших, несомненно, значительную энергию, но не обладавших соответственным опытом. Планы и программы, выработанные спешно, оказались неудачными; лекторский состав, набранный на основе недостаточных связей, частью неподходящим к задаче. Участие слушателей в руководстве делами университета было вначале ничтожным, а потом оно было усилено, но зародыши крушения успели развиться.

Другая причина тоже очень важная: состав слушателей в большинстве

получился не пролетарский. Аудитории заполнила с самого начала, главным образом, трудовая интеллигенция Советских учреждений. Было бы вредно и нелепо закрывать ей доступ в Пролетарский Университет, но ее решительное преобладание, определяя общий дух учреждения, стояло в противоречии с самой его идеей. Преподавание должно было, конечно, приспособляться к большинству слушателей; ясно, что на этом пути настоящий Пролетарский Университет не мог развиваться и в дальнейшем.

Были страшно неблагоприятны и внешние условия: безумно напряженная атмосфера непрерывного политического кризиса, архиголодный паек, при котором у советских работников и рабочих не оставалось уже сил для научного труда, уход на фронт самой активной молодежи...

При таких обстоятельствах успеха быть не могло, — и неудача ни в малейшей степени не затрагивает самую идею учреждения. Просто была сделана неумелая попытка среди целого ряда других таких же попыток нашего бурного времени. Теперь она ликвидирована, и за дело взялись по самой природе своей призванные к нему организации.

VIII.

Как должен быть организован Пролетарский Университет?

Первая задача, это — создать подходящий состав слушателей: пролетарский в своем большинстве, соответствующий по уровню идее университета. По этому поводу резолюция Всероссийской Конференции Пролеткульта говорит:

«9. Доступ в Пролетарские Университеты должен быть свободен в первую очередь для рабочих, лишь с необходимой в интересах самих слушателей товарищеской проверкой знаний.

«10. Все пролетарские общественные учреждения, фабричные заведения, торгово-промышленные, профессиональные, кооперативные должны предоставить своим рабочим и служащим возможность посещения университетских курсов».

Преимущество для рабочих не есть какая-либо обидка трудовой интеллигенции. Университет *должен* быть пролетарским, — тогда и она, работая в нем, получит от него всего больше, ибо тогда в нем всего совершеннее выразится новое миропонимание.

Провести на деле это преимущество удастся только путем системы стипендий, намеченной в общих чертах последним пунктом резолюции. «Предоставить возможность посещения Университета в массе случаев будет, разумеется, возможно только путем стипендий и иногда частичного, иногда, может-быть, и полного освобождения от обязательной работы».

Однако, построить все дело только на этой основе невозможно. Потребовались бы огромные затраты средств, а главное, недостаток сил в общественных делах чувствуется слишком остро. Из-за этого и самые занятия на первые годы придется организовать так, чтобы особенно энергичный или одаренный человек мог совмещать их с общественной службой; следовательно, в вечернее время, 3—4 часа в течение пяти дней недели, с семинарными и другими дополнительными занятиями в остальные два дня.

В резолюции Пролеткульта обращает на себя внимание та особенность, что допускается при приеме «товарищеская проверка знаний». В государственных университетах всякие предварительные экзамены отменены. Значит ли это, что Пролеткульт занял более отсталую позицию? Мне к жется, что нет. Пролетарский Университет должен быть также школой товарищеских отношений и товарищеской дисциплины; отсюда логически вытекает возможность и желательность такой проверки. А в старых университетах ее установить нельзя, так как по самому их духу, по их типу организации, *товарищеской* проверки не получилось бы, а все свелось бы к обыкновенному, научно бюрократическому экзамену.

Какой же уровень надо будет принять за основу для приема? Считаюсь с условиями жизни рабочих, господствовавшими до сих пор, тут надо заранее

отбросить всякий формализм, всякий шаблон. Приблизительная норма, на которой сходятся почти все сведущие люди, такова: общее образование не ниже высшего начального училища имевшихся типов или самообразование в аналогичном масштабе, при чем допускаются и пробелы, если они уравниваются более широкими знаниями в социальных или естественных науках.

Зато здесь надо ввести требование, о котором не могло быть и речи в старых университетах: проявленной гражданской активности, которая свидетельствовала бы о том, что дело идет о социально взрослом человеке, а не о ребенке, подростке или любознательном обывателе. Доказательством должна служить или общественная должность, или рекомендация со стороны политических, культурных, экономических организаций.

С той же точки зрения нежелателен и слишком юный возраст,—не ниже, напр., 18 лет. Конечно, в случаях особо раннего развития возможны исключения.

На таких основах удастся сформировать кадры слушателей, действительно, соответствующие задаче. Что же касается преподавателей, то та же революция говорит о «необходимости привлечения лучших теоретических сил нашего революционного социализма» для создания первого руководящего кадра (п. 3). А относительно дальнейшего намечается:

«7. Для подготовки кадров научных преподавателей должна послужить существующая в Москве Социалистическая Академия и необходимо организовать такую же в Петербурге. Они должны рабочим, уже имеющим некоторый научный опыт, дать соответствующую теоретическую и практическую подготовку. В них же должны продолжать свою научную работу те слушатели Пролетарского Университета, которые по его окончании посвятят себя специально работе в той или иной области науки».

Выполнение этой задачи уже началось: в составе Социалистической Академии уже теперь имеются товарищи-рабочие, не только среди слушателей ее курсов, но и среди членов-соревнователей.

IX.

Резолюция Всероссийского Пролеткульта намечает и общий программный план университета. План этот включает три цикла:

«а) *подготовительный*—должен оформить и систематизировать знания, уже имеющиеся у слушателей, а также дополнить их всеми знаниями, необходимыми для усвоения цикла основного».

«б) *основной*—должен широко и прочно в строго научной постановке положить основы социалистического миропонимания, превращая слушателя в образованного социалиста, владеющего основными методами разных областей науки;

«в) *специализированный*—делится сообразно строению общественного процесса на факультеты: технический, экономический и культурный; на каждом из них специально в углубленной научной постановке, изучается соответственная группа предметов, но не изолированно от других групп, а в необходимой связи с ними, с общими кафедрами таких основных предметов, как политическая экономия».

Почему необходим подготовительный курс,—это вполне ясно. Даже наиболее развитые из вступающих в Университет рабочих, благодаря недостатку формального образования, в большинстве своем будут иметь пробелы знания: у одного одни, у другого другие, рядом с большой зачастую глубиной знания в иных областях; отсюда—неизбежная разнородность состава, отсутствие одного общего, доступного отчетливому определению уровня, из которого коллективная работа могла бы исходить. Кроме того, не хватает обычно навыков и опытности в самых приемах научной работы. И, наконец, благодаря усвоению «при случае», «между делом», в зависимости от того, когда позволяет жизнь, у всех почти хромает систематизация. Эти недочеты должны быть уstra-

нены, надлежащее выравнивание и оформление научного материала у слушателей должно быть достигнуто на подготовительной ступени.

Отсюда сам собою вытекает характер программы для этого первого курса: ряд *введений* по технике научной работы вообще и по разным научным отраслям.

На первом плане здесь надо поставить усвоение практических методов овладения наукою в индивидуальной и коллективной работе: то, что относится к умению планомерно пользоваться всякого рода литературою, к умению излагать мысли устно и письменно, к умению логично спорить и обсуждать, а также вести собрания. Это будут, главным образом, практические занятия с небольшим количеством вводящих лекций. В выборе тем эти практические занятия должны быть как можно ближе связаны с параллельно ведущимися курсами других предметов, натуралистических и социологических, но не просто сливаться с ними: там и при практических занятиях центр тяжести лежит в содержании усвояемого, здесь—в формально-технической стороне дела.

Вторая группа—математические и естественные науки. Из математики надо взять низшую, но не начальную, конечно, ее часть, выбирая материал наиболее важный со стороны метода и в смысле связи с жизненной практикой: действия с дробями; способы приближенного вычисления; решение уравнений; применение логарифмов; элементарные приемы определения расстояний, площадей, объемов и т. п.

Из естественных наук—введение в физику и химию; введение в космографию, геологию и общую географию; введение в общую биологию; введение в физиологию и психо-физиологию.

Тут приходится иметь в виду, что ограниченность времени не позволит дать большого фактического материала. Поэтому надо выбирать самое важное, и общие положения выяснить на немногих, но наиболее ярких и глубоко вводящих иллюстрациях,—напр., для занятий по физике выбирать эксперименты, имеющие *принципиальное* научное или практическое значение. Непосредственной задачей должна быть глубина понимания, а не полнота знания. С этой точки зрения несколько умело выбранных, наглядно и точно проведенных и строго проанализированных опытов дадут больше, чем сотни страниц учебников или десятки лекций.

В этот курс, между прочим, непременно должно войти ознакомление с принципами устройства всех основных типов машин современной техники: двигателей водяных, паровых, поршневых, турбинных, взрывных, динамо и электрических моторов, телеграфа, телефона, аэроплана, фонографа, кинематографа и т. п. Ознакомление, конечно, не технически детальное, но и не поверхностное, а «научно-организационное».

Третья группа—науки общественные: введение в политическую экономию, во всеобщую и русскую историю, в основы научного социализма; обзор истории рабочего движения и формы рабочей организации; элементарное учение о формах общественности, особенно о праве и государстве. Построение курсов здесь должно быть историческим повсюду, и там, где старая наука его не умеет и не хочет применять, как в изучении экономики, права, государства. Непрерывность исторического ряда позволяет воспринимать связь явлений нагляднее, делает ее жизненно понятнее, облегчает сознанию переход от одних форм к другим, вообще дает экономию в затрате энергии на изучение. Вместе с тем мышление работника воспитывается в последовательном и неуклонном применении нашего метода—историко-материалистического.

И здесь опять-таки развертывание исторического ряда не должно гнаться за полнотой всех переходов и оттенков. Внимание должно быть сосредоточено на отдельных, наиболее характерных моментах или эпизодах, иллюстрирующих жизненные тенденции главных фаз развития человечества. Передко отрывок подлинного документа эпохи глубже и яснее характеризуют для слушателей дух ее отношений и смысл ее борьбы, чем самое длинное описание и повествование. А восстановить непрерывность переходов между углубленно понятыми,

хотя и эпизодически обрисованными фазами, это — дело усвоенного метода и собственной психической работы изучающего.

Х.

Программой подготовительного курса уровень слушателей основного курса намечается, конечно, не в смысле старого экзаменного шаблона. Рабочий, обладающий известными навыками в научной работе, знаниями, хотя неравномерными, но в некоторых важных областях достаточно серьезными, и оформившимся социалистическим мировоззрением, может работать на основном курсе, заполняя оставшиеся крупные пробелы дополнительными занятиями по соответственным предметам подготовительного. На первых порах это будет даже неизбежно преобладающая комбинация: в крупных центрах надо открывать по возможности первый и второй курс одновременно; это важно особенно вначале, когда опыта еще слишком мало и когда самая постановка дела на подготовительном курсе может выиграть очень много, если будет освещаться одновременной работой курса основного, *к которому* он должен подготавливаться.

Программа основного курса естественно распадается на две группы предметов — натуралистическую (считая здесь же математику) и социальную. Преобладающее место здесь, очевидно, должны занять науки социальные, примерно в отношении двух третей рабочих часов к одной трети, или трех пятых к двум пятым. Но строго научная постановка дела равно обязательна и здесь, и там.

По математике в пределах нескольких десятков часов, которые будут ей отведены, необходимо — и, полагаем, вполне возможно — дать основные методы так назыв. «высшей математики» дифференциального и интегрального счисления, аналитической геометрии, теории рядов. Тут надо использовать все новейшие упрощения и улучшения приемов преподавания: с одной стороны, самое тесное его сближение с запросами и требованиями трудовой техники; образцом могут пока служить лекции Джона Перри для рабочих механиков, где он, напр., вводит их в сущность аналитической геометрии путем применения графленой (координатной) бумаги для обычных задач их работы; с другой стороны, такая же тесная связь с техникой естествознания в духе, напр., «Приложения математики к естественным наукам» Нернста и Шенфлиса. В Пролетарском Университете должны выработаться свои методы изложения и освещения математических наук; но пока этого нет, надо исходить из того лучшего, что уже создано демократизацией знания.

Программа естествознания в свою очередь здесь должна концентрироваться на основных методах и на высших обобщениях при постоянном сохранении связи того и другого с практикой жизни. С этой точки зрения сами собой намечаются следующие главные задачи:

1. *Методология естественных наук*: наблюдение, эксперимент, роль рабочей гипотезы; связь с техникой и отношение к техническим наукам; основные инструменты исследования (часы, телескоп, микроскоп, угломеры, фотография, измерители силы и работы, самопишущие и регистрирующие приборы).
2. *Основные теории эволюционные* — космологические, геологические, биологические.
3. *Основные теории общие или абстрактные* — энергетика; теория воли; атомная и электронная теория; теория строения материи.
4. *Основные методы и выводы биологического учения о рабочей силе*, т.-е. физиологии, общей патологии и психо-физиологии в связи с гигиеной.

Эта последняя группа образует как бы естественный переход к наукам социальным.

При умелой постановке, связанной с хорошо выбранными демонстрациями на опыте и правильно организованными практическими занятиями, такую программу, мы полагаем, возможно выполнить достаточно серьезно за те 150—180 часов, которые ей будут уделены из годовичного курса.

Программа наук общественных при всей своей обширности представляет наименьшие затруднения, потому что в этой области у нас опыта больше всего. Она логически намечается строением общественного процесса, который надо изучать, и социалистической целью этого изучения. Группировка наук приблизительно такая:

1. *История социальной техники* (в общей связи с историей математических и естественных наук).

Из нее в особый курс следует выделить, как наиболее для нас важный момент—*машинное производство*.

2. *Исторический курс политической экономии*.

Из него особо выделить три важных момента:

а) *Новейший капитализм* и в связи с ним—милитаризм, мировую войну, новые экономические формы, во время ее возникшие;

б) *Аграрная эволюция*.

с) *Общая теория налогов и финансов*.

3. *История общественных мировоззрений*.

Специально должны быть выделены:

а) *История экономических воззрений*.

б) *Обзор философских систем* (как идеализированных схем господствующих мировоззрений).

с) *Общая история литературы и искусства*.

4. *История права и государства*.

5. *История социализма и социальных движений*.

Здесь выделить особо:

а) *Формы рабочих организаций*.

б) *Социалистический идеал*.

6. *Исторический материализм и общая система научного мироотношения*—курс резюмирующий.

Как ни обширна кажется эта программа, но при хорошей постановке, при опытных руководителях для ее серьезного прохождения, мы полагаем, должно хватить 350—400 часов.

Здесь много взаимно соприкасающихся предметов, и очень важно организовать дело так, чтобы наиболее близкие по материалу переплетались во времени, подкрепляя друг друга, напр., история техники с историей экономики, история экономических воззрений с историей социализма и т. п. Это надо, разумеется, делать и во всех других группах предметов.

По широте захвата и сумме содержания программа основного курса далеко превосходит программы какого бы то ни было курса старых университетов. Но она и рассчитана не на беззаботных юношей из обеспеченных классов, а на людей труда и идеи.

XI.

Третий курс—уже специализированный: для образованного социалиста, каким явится человек, прошедший через работу курса основного, специализация не опасна, не может оказать на него действия, суживающего кругозор и иссушающего душу. Кроме того, эта специализация согласно плану Пролеткульта совершенно иная, чем в старых университетах,—не по отвлеченному принципу классификации наук, взятых сами по себе, вне отношения к жизни, как математические, естественные, филологические и т. п., а на основе строения общественного процесса в его целом; при этом группы предметов каждого факультета оказываются гораздо шире. И, кроме того, связь факультетов поддерживается курсами некоторых общих наук,—в резолюции названа политическая экономия.

Какова должна быть программа этих факультетов? Намечать ее подробно я не решился бы, да это и несколько преждевременно,—вначале, наверное, будет

возможно открывать только первые два курса,—для третьего не найдется достаточных кадров. Но тип такой программы я попытаюсь обрисовать, как он мне представляется, на примере одного факультета—технического, при этом буду исходить из близко подходящего сюда плана «технико-экономического отдела» Социалистической Академии, в работе над организацией которого мне пришлось недавно принимать участие. Схема такая:

1. *История техники и технических наук* (разумеется, «в углубленной научной постановке» по сравнению с тем же предметом на основном курсе).

И здесь также должен быть выделен особый курс—*машинное производство* в его технике и экономике.

2. *История математики и естественных наук.*

3. *Энциклопедия математики и счетоводства.*

«Энциклопедия» понимается здесь в таком смысле, который охватывает, с одной стороны, методологию данной группы предметов, с другой—изложение достигнутых в этой области результатов и выводов.

4. *Энциклопедия естественных наук.* Здесь отделы:

а) *Измерительные приборы и физические методы исследования.*

б) *Химические методы исследования.*

5. *Энциклопедия технологии.* Отделы:

а) *Использование материалов недр земли.*

б) *Использование материалов, находящихся на земной поверхности, и особо выделенная*

с) *Сельско-хозяйственная техника.*

6. *Учение о рабочей силе* (физиология, общая патология, психо-физиология, курс, главным образом, методологический).

В особый предмет должно быть выделено:

Новейшие методы изучения и использования рабочей силы (тейлоризм и т. п.).

7. *Организация отдельного предприятия* (техническая и экономическая)—предмет, общий с экономическим факультетом.

8. *Политическая экономия* (специально—методология и критика экономических учений)—курс, общий для всех факультетов.

9. *Всеобщая организационная наука*—курс, общий для всех факультетов.

Что касается программы экономического факультета, то в ней, очевидно, естественно, напр., будет представлено гораздо слабее,—социально-исторические науки, напротив, сильнее и т. п.

Третьим курсом заканчивается «учебная» часть университета. Тот, кто идет дальше, вступает в область научно-академической работы, которая также должна быть организована коллективно.

XII.

Кроме курсов, входящих в основной план университета, при нем необходимо организовать ряд дополнительных занятий разного характера и значения. Так, у некоторых из поступающих на подготовительный курс окажется недостаток даже в начальных сведениях по арифметике, у других—неумение сколько-нибудь сносно писать; инородцам понадобятся занятия по русскому языку. Многие пожелают изучать новые языки, которых, однако, в основной план работы вводить не приходится. Многим из-за их общественных функций еще на первом курсе понадобится знакомство с основами статистики и т. д.

Для таких дополнительных и вспомогательных занятий время должно быть отведено особо. Если ежедневные вечерние занятия будут продолжаться в общем 3 часа времени, то это составит 4 часа «академических», считая по 40 минут на лекцию и от 5 до 10 на перерыв,—всякие бесполезные растраты времени тут необходимо устранить. Тогда на работу по программному плану можно отвести первые три академических часа, на дополнительные и вспомогательные—четвертый, а также

некоторые часы в незанятые два дня недели, оставленные частью для отдыха и общественных дел, частью для специальных семинариев, экскурсий и пр.

В дальнейшем при университете следует сконцентрировать те многочисленные и разнообразные практические курсы, которые теперь устраиваются при разных учреждениях и организациях: по профессиональному движению, по кооперации, партийно-агитаторские, разные инструкторские и т. п. Это позволит слушателям университета пользоваться при случае лекциями таких курсов, и обратно,—хорошо отразится на научности их постановки и даст немалое сбережение лекторских сил, а главное—расширит и усилит общение Университета с провинцией, посылающей на краткосрочные курсы своих делегатов.

Однако, рядом с этим потребуются и своего рода «рассеяние» Университета. В резолюции Всеросс. Пролеткульта говорится, что такие Университеты должны быть организованы во всех крупных промышленных центрах России, начиная с Москвы и Петербурга. Но в таких огромных центрах, как столицы, чтобы приблизить Университет к рабочему населению, придется, по крайней мере, подготовительный курс устроить параллельно в главных пролетарских районах. Там он в свою очередь может послужить центром для объединения разных районных курсов и клубов.

* * *

Трудности пути, а еще больше требования жизни неизбежно будут отвлекать многих из Университета до завершения цикла его работы. Но это не должно нас смущать: ведь и тогда то, что сделано, не пропадет даром. Самая программа такова, что с каждым курсом будет давать все же нечто цельное и определенное. Товарищ, серьезно выполнивший курс подготовительный, может явиться достаточно сознательным агитатором или полезным ответственным работником какого-нибудь учреждения. Прохождение курса основного даст уже знакомого пропагандиста и ответственного работника неспециалиста. С курса специализированного будут выходить и ответственные работники-специалисты, а при случае—лектора, хотя не высших курсов.

Для дальнейшей специально-научной работы согласно плану Всероссийского Пролеткульта должна служить Социалистическая Академия. Что она такое?

Она не есть нечто по существу отличающееся от Пролетарского Университета. Это—в силу обстоятельств успевшая раньше сложиться определенная его часть, его ученый коллектив. Временно она и вообще отчасти его заменяет в своей просветительной работе, но только отчасти и не в главном. Между нею и зарождающимся Университетом необходима тесная связь, которая в свое время завершится их полным организационным слиянием.

Одной из важнейших задач Университета и Академии явится выработка планов и программ тех низших курсов, которые человека массы подводят бы к самому Университету. Этим путем он из высшей пролетарской школы развернется в Рабочий Университет в широком смысле слова,—в целостную систему учреждений, дающих глубокое и полное социалистическое воспитание пролетариату.

А. Богданов.

Организация литературного творчества.

Если присмотреться к биографиям русских писателей периода крепостничества, напр., начала и середины XIX века, и дать себе отчет об условиях, в которых протекала их творческая работа, то легко будет наметить типичную обстановку, необходимую для литературного труда писателя добуржуазной эпохи. Три основных элемента обуславливали успешность творчества. Прежде всего писатель творил в минуты досуга. Даже в тех случаях, когда литература была его основной профессией, творческая работа совершалась не систематически изо дня в день, или даже из года в год, а в периоды специального досуга, и поэтому чрезвычайно растягивалась. Гончаров, тративший на каждый свой роман по десять лет, является типичным примером.

Ета медлительность и непланомерность творческого процесса самими писателями объяснялась тем, что творческая работа могла совершаться лишь при наличии «вдохновения». Вся поэзия первой половины XIX века проникнута этой темой о «музе», которая порой прилетает к поэту и дает его перу творческую силу. Это вдохновение могло появиться лишь непроизвольно, независимо от самого поэта. Ему оставалось лишь терпеливо ждать этой минуты экстаза и призывать музу «посетить его». Вне периода вдохновения работа писателя не могла совершаться. А так как эти минуты «посещения музы» бывали не слишком часты и довольно не регулярны, то и вся работа писателя носила какой-то случайный беспорядочный неорганизованный характер. В области изобразительных искусств (живопись, ваяние) до сих пор еще сильна эта особенность творчества людей добуржуазной эпохи.

Наконец, третьей особенностью писателей крепостнической эпохи была их индивидуалистическая замкнутость. Работа совершалась в кабинете, в уединении, в специальном искусственном отдалении от шума мира и от других людей. В эту индивидуалистическую работу не вмешивался никто посторонний. Организованные совместные выступления группы писателей чрезвычайно редко имели место. Такие выступления чаще всего имели характер издания «альманахов», т. е. сборников статей, стихов и рассказов, связанных чисто механически. Журналы этой эпохи очень недалеко ушли от альманахов. Они почти не знали ни редакционного контроля и руководства, ни коллективной литературной работы. Газета существовала, как собрание хроникерских фактов и официальных распоряжений и скорее вне литературы.

Буржуазный строй, разумеется, не мог примириться с такой бессистемностью, медлительностью и случайностью писательской работы. Быстрый темп жизни капиталистического общества не мог терпеть работы, которая совершается лишь «на досуге» и не носит систематического машинного характера. Еще менее он мог учить вдохновение, как основное условие литературной работы. Капиталистический строй предъявил к деятелям литературы свое общее требование: быстро, к сроку доставлять продукты творчества. И, наконец, он внес и известный элемент организованности и коллективности в работу писателей. Он создал периодические издания и особенно газеты, которые потребовали строгой планомерности и согласованности работы и создали аналогию фабрики и для литераторов.

Русская литература недостаточно долго находилась под влиянием нового буржуазного режима, и поэтому дает нам мало типичных примеров для характеристики литературного творчества в период расцвета капитализма, поэтому лучше обратиться за типичными образцами к Западной Европе. Золя в течение всей своей литературной карьеры работал изо дня в день и регулярно писал по одной печатной странице в сутки. С такой же методичностью работает подавляющее большинство романистов, поэтов и журналистов Европы и Америки. Вспомните Уэллса, Шоу, Анатоля Франса, Лондона и бесчисленное количество второстепенных, но достаточно одаренных и популярных писателей.

Стало трюизмом, что «вдохновение» совсем не является необходимым элементом творчества. Конечно, бывают моменты, когда процесс литературного творчества совершается с особой легкостью и успешностью, но это отнюдь не означает, что работа, совершаемая в моменты полного отсутствия «вдохновения», по своим конечным результатам была ниже страниц, написанных «вдохновенным пером». А главное систематичность и методичность писательской работы ввела само «вдохновение» в рамки творческого процесса. Писатель перестал ждать «посещения музы». Он может часто вызывать вдохновение своим творческим усилием. Стало также совершенно очевидным, что «вдохновение» отнюдь не является специальной привилегией писателей и художников.

Типичный продукт капиталистического строя—газета с особенной беспощадностью разрушила прежнюю психологию литературы и опрокинула вверх дном всю систему его работы.

В газетной работе с особой силой проявляется элемент коллективности творчества. Отдельный участник газеты, будь то редактор, «передовик», хроникер, корреспондент совершенно теряет свою индивидуальность, даже свое имя. Каждый участник газеты выполняет свою часть работы, подчиняясь общему плану. Если он пишет статью, то даже тема ее обычно дается ему пазне другим лицом. Его работа над статьей или заметкой подчинена строгим ограничениям не только в размере, но и в трактовке темы. Она совершается в определенное время, так как статьи должны быть обязательно готовы, скажем, к шести часам вечера, хроникерская заметка—к десяти, отчет о только что бывшем заседании или рецензия только что виденного спектакля—к часу ночи и т. д.

Даже писатели, не тесно связанные с газетой или журналом, принуждены расстаться с ожиданием вдохновения или поисками досуга для творчества. Издательский капитал не терпит бездействия; типографские машины, чтобы окупаться, нуждаются в рукописях авторов; книжки, журналы, выходящие точно в срок, не могут появиться без определенного литературного материала. Поэтому романист, поэт и журналист должны писать с той же систематичностью, как работает рабочий. В своей работе они должны подчиняться общему организаторскому плану издателя или редактора и выполнять определенную часть общей коллективной работы.

В организации газетного дела уже имеется много элементов, чрезвычайно характерных для всех возможных видов коллективного литературного творчества. При созидании социалистического органа печати этот момент коллективности еще более углубляется. Прежде всего общее направление газеты диктуется коллективно организованной волей пролетариата. Творчество всех участников газеты подчинено добровольной и сознательной дисциплине.

Не только темы для статей намечаются редакционным коллективом, но даже общая трактовка тем указывается на совместном обсуждении. Каждая отдельная статья или заметка получает смысл и значение только в тесной связи со всем газетным номером. Кроме того, социалистическая газета связывается тесными узами со своими читателями и опирается на этот взаимообмен идеями, чувствами, настроениями и симпатиями.

Такими образом, регулируются не только внешние рамки газетной работы, но и сама внутренняя сущность ее. Работа целого сложного коллектива сотрудников, создающих газету, получает целостность и гармоническое единство.

В области литературного товарищества мыслима еще большая организованность и объединенность отдельных творческих усилий. Место кабинета, где литературная работа протекает в полной изолированности, займет литературная студия, в которой отдельные части творческого процесса будут выполняться разными лицами, но с полной внутренней согласованностью.

Буржуазное общество знает несколько попыток совместного творчества, но большая часть их имеет характер того сообщения написанного романа, которым как-то забавлялся бульварный «Синий Журнал» при содействии Куприна, Тэффи и др. В романе этом каждая глава писалась по-именному, без всякого уговора с другими соавторами, при чем задачей каждого из писавших был

не придание произведению внутреннего единства и цельности, а скорее искусственное усложнение темы в целях затруднения ее дальнейшего развития. Такой роман — типичное детище буржуазной культуры эпохи упадка (недаром и тема его — детективно-уголовная). Он чисто внешне связывает со-авторов вокруг навязанной темы, и общая работа их в результате дает нелепейшую литературную мозаику, лишенную элементарных условий, предъявляемых ко всякому произведению, — цельности и единства.

Пролетарская студия, работающая в духе социалистического идеала, будет издавать коллективные произведения совершенно по иному методу. Единство целого, согласованность частей, гармония замысла и выполнения, формы и содержания будут стоять в основе работ студии.

Литературная студия Пролеткульта начнет свою деятельность с чисто критической работы. Авторы, собираясь в определенные дни, будут читать свои произведения, а собравшиеся станут подвергать читаемое внимательному критическому разбору. Такого рода критическую работу иной раз проделявают и существующие буржуазные литературные общества и организации. Но там эта критика ненапечатанных еще произведений является редким исключением. Очень немного произведений буржуазный автор выносит на суд публики до напечатания, и еще реже он в этих случаях прислушивается к голосу критики или отвечает на делаемые ему замечания и возражения. Чаще всего критика и публика знакомятся с произведением уже в печатном, готовом виде. Критические замечания автор слышит уже после того, как его творческая работа завершена, и он, согласно нелепой традиции и буржуазной косности, никогда не отвечает на критику и, тем более, никогда не перерабатывает своих художественных произведений под влиянием сделанных замечаний.

Пролетарская студия стремится путем критики читаемых произведений внести определенный корректив к творчеству своего отдельного сочлена. Она вмешивается в еще незавершенную писательскую работу автора и ждет от него живейшего отклика на свои замечания и указания. Сочлены студии, критикуя, сами примыкают к цепи элементов, творящих произведение.

Чтение произведений до их опубликования в кругу лиц, от которых автор ждет активного соучастия в своей работе, должно стать в обществе будущего одной из таких же повседневностей, как какие-нибудь лекции и рефераты по текущим вопросам общественной жизни. Между писательским кабинетом и редакцией или наборной станет студия или другое критическое коллективное горнило, которое подвергнет произведение очищающему испытанию огнем.

Эта товарищеская критическая работа будет, однако, лишь одним из элементов, и, пожалуй, не самым важным, общей деятельности студии. Гораздо более существенным моментом явится подлинное непосредственное творчество, коллективное писательство.

Литературную работу этих студий можно разделить на несколько отдельных моментов.

Первое — выбор темы, сюжета, задания. Многие авторы обладают особенной способностью отыскивать благодарный сюжет при полном неумении более или менее сносно его разработать. Пусть они дают свои темы другим. Пусть темы и сюжеты, а, может быть, и отдельные части этих сюжетов (сцены, картины, эпизоды, отдельные типы и положения) поступают в студию. Из этой сокровищницы замыслов будут черпать другие, эти темы станут разрабатывать все, кто почувствует к ним влечение.

Сами темы будут подвергаться обсуждению и критической оценке. Тут же будет намечаться та форма, которая будет наиболее подходящей для того или иного замысла, конечно, в самых общих чертах. Один сюжет подойдет для драмы, другой лучше будет использовать для небольшого рассказа, та тема хороша для романа, эта — для стихотворения.

Переходя к оценке сюжета и возможного развития его в той или иной форме, литературная студия уже вступит на путь воплощения замысла, на путь писательства.

Здесь же, на заседаниях студии какие-нибудь темы будут претворены в литературные произведения. Участники студии тут же, в соседней комнате набросят стихи, рассказ, сцену на намеченную тему, и эти произведения, еще недоделанные, не законченные, будут вынесены снова на обсуждение студии, разобраны, исправлены, и, пожалуй, dokonчены кем-либо другим или другими.

Вечера импровизаций, когда интенсивный творческий процесс приурочивается к строго определенному моменту и часто к назначенной теме, будут обычным явлением студии Пролеткульта. Они будут приучать писателя к новому методу работы — «на людях», при соучастии других, при товарищеском содействии слушателей и со-авторов.

Именно в такой студии может быть написано какое-либо коллективное произведение, отмеченное печатью внутреннего единства и художественной ценности. Как именно будет создано такое произведение, конечно, нельзя предвидеть, как нельзя сейчас сказать с точностью, в каких формах будет протекать коллективная литературная работа в студиях. Может быть, отдельные главы будут написаны разными лицами, может быть, отдельные типы и положения будут разработаны и воплощены разными авторами, может быть, наконец, что все произведение будет написано всего одним лицом, но при постоянном и систематическом соучастии в работе других членов студии, — они разработают сюжет, дадут схему произведения, наметят характер и т. д., и станут критически обсуждать написанное во все этапы писательской работы.

Само собой разумеется, что эти опыты коллективного писательства отнюдь не будут исключать творческой работы отдельных лиц, — они лишь дадут ей новый толчок.

Конечно, при организации литературного творчества, отвечающей коммунистическому духу новой эпохи, пока приходится идти ощупью. Индивидуалистическую психологию и индивидуалистические навыки, наложившие печать даже на пролетариат, трудно сразу разрушить или преобразовать. Литературные студии Пролеткульта смогут наметить новые возможные пути для организации творчества писателей.

В. Керженцев.

Первая Всероссийская Конференция Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций.

Между 15—20 сентября состоялась Всероссийская Конференция Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций. Пролетариат созывал много съездов и конференций, но на них он сосредоточивал все свое внимание исключительно на вопросах политической и экономической борьбы. И только после октябрьской революции, когда диктатура пролетариата открыла перед рабочим классом величайшие горизонты, он приступил к разрешению новой проблемы, — проблемы новой культуры, строго-классовой пролетарской культуры.

Еще ни одна конференция в мире не обсуждала этого вопроса, и во всероссийском масштабе такая конференция была первой; поэтому она будет иметь громадное историческое значение и особый смысл.

На конференцию присутствовало 564 человека; из них 330 делегатов и 234 гостя. Конференция созывалась в самый неблагоприятный момент, когда контр-революционные банды чехо-словаков отрезали от нас Самару, Урал, Сибирь и другие местности. Один из инструкторов Организационного Бюро по созыву конференции был расстрелян на Урале белогвардейцами, а другие вынуждены были вернуться в Москву, не выполнив целиком возложенной на них задачи из-за военного положения. Это был момент, когда все лучшие товарищи спешили на фронт, чтобы ликвидировать наступление наймитов контр-революции, и тем не менее на конференцию прибыли делегаты почти из всех местностей; громад-

ное количество гостей показывает, с каким глубоким интересом пролетариат следит за развитием культурно-просветительной работы. И это вполне понятно. Рабочий класс сознает, что завоевания революции могут быть прочно закреплены не только военными победами, но и развитием социалистического сознания, социалистической психологии, социалистического быта творцов и строителей новой жизни.

Вся работа конференции прошла под идейным влиянием журнала «Пролетарская Культура». Правда, в речах отдельных членов конференции—народников, эс-эров и анархистов—раздавались голоса о том, что нет и не может быть исключительно пролетарской культуры, а возможна только культура общенародная, общечеловеческая, нет науки пролетарской, нет искусства пролетарского, но эти одинокие голоса совершенно потонули в том энтузиазме и единодушии, с каким конференция говорила о выработке пролетарской культуры, как очередной самостоятельной задачи рабочего класса.

В общей резолюции конференция определенно указывает, «что культурно-просветительное движение среди пролетариата должно занять самостоятельное место рядом с политическим и экономическим движением, что задачей его является выработка пролетарской культуры, которая с уничтожением в обществе классового деления станет общечеловеческой».

Всю важность работ Пролеткульта в данном направлении подчеркнул в своем приветствии конференция и тов. Ленин. Он писал: «Все наши успехи вызваны тем, что рабочие взяли за управление государством через свои советы. Но рабочие недостаточно еще поняли это и бывают чрезмерно робки в деле выдвижения рабочих для управления государством. *Боритесь за это, товарищи. Пусть пролетарские культурно-просветительные организации помогут этому. В этом—залог дальнейших успехов и окончательной победы социалистической революции*». Если в начале конференции были колеблющиеся и сомневающиеся в том, нужен ли Пролеткульт, когда существует Народный Комиссариат по Просвещению, то под конец ее эти сомнения исчезли навсегда, и обсуждение шло в плоскости, как работы одного учреждения разграничить от работ другого, чтобы избежать параллелизма, всегда связанного с ненужной затратой труда.

Да и вообще надо сказать, если раньше не только в провинции, но и в столицах не вполне ясно представляли, что такое пролетарская культура и Пролеткульт, то после конференции пролетариату стало ясно, что Пролеткульт это—одна из близких, родных организаций, в которой он может развернуть свои творческие силы в области строительства новой жизни.

Основная точка зрения осветила и все другие вопросы, обсуждавшиеся конференцией.

По вопросу о науке и рабочем классе конференция подчеркнула, что «наука она рассматривается как орудие организации общественного труда, которое в руках классов господствующих служило до сих пор также орудием господства, но в руках рабочего класса должно служить орудием его социальной борьбы, победы и строительства и признает основной задачей в научной области социализацию науки».

В вопросе об отношении пролетариата к искусству основная точка зрения была сформулирована в следующем положении: «Искусство организует посредством живых образов социальный опыт не только в сфере познания, но также в сфере чувств и стремлений. Вследствие этого оно—самое могущественное орудие организации коллективных сил, в обществе классовом—сил классовых».

Поставив перед собою великую и трудную задачу—разработку пролетарской культуры, науки и искусства, конференция указала и тот основной принцип, по которому должна происходить перестройка жизни,—«строительство новой культуры должно базироваться на общественном труде и товарищеском сотрудничестве». Индивидуалистический анархический принцип буржуазной культуры никем не защищался.

Несмотря на то, что вопрос о буржуазной культуре был поставлен резко и определенно, несмотря на то, что культура старого мира связана с мыслью о

насилию и эксплуатации широких народных масс, конференция не впадала в грубо-анархическое огульное отрицание культуры прошлых поколений. Наоборот, она признала нужным постичь и усвоить достижения прошлых поколений, чтобы, переработав их со своей классовой точки зрения, воспользоваться ими в своем строительстве.

Когда-то тов. Дунаевский писал: «Было бы, однако, ложью утверждать, что полное понимание вопроса об отношении классовой культуры к общечеловеческой есть вещь обычная в среде самих рабочих и их друзей. Я не отрицаю, что не так уже трудно среди нас, социалистов, найти того или другого юношу, не всегда необразованного в формальном смысле, который крикнет вам заодно: «к чорту буржуазную культуру».

После конференции мы с гордостью можем констатировать, что вопросы пролетарской культуры привлекают, главным образом, людей, вышедших уже из юношеского возраста, и среди них нет огулом отрицающих буржуазную культуру. Если это замечалось раньше, то теперь этот этап прошел, он отошел в историю.

То единодушие, с которым принимались резолюции пленарных и секционных заседаний, показывает, что за год своей диктатуры пролетариат настолько вырос, что сразу нащупал и определил свою классовую позицию в вопросах культурного строительства жизни.

Несмотря на то, что на этой конференции, как на первой, много времени и внимания должны были занять вопросы теоретические, программные, чтобы наметить во всероссийском масштабе основные вехи работы, речи ораторов не носили чисто теоретического, отвлеченного характера. Наоборот, деловитость и практический подход сказались даже в приветственных речах. Это весьма показательно, если принять во внимание особенную любовь русских к долгим дискуссиям и обсуждениям. О секционных работах и говорить не приходится. Кто бывал на них, тот знает, как тщательно обсуждались там даже самые мелкие практические вопросы. Особенную настойчивость проявили делегаты из провинции, где приходится налаживать и вести работу ошупью, на свой страх, без всякого опыта и поддержки со стороны товарищей и учреждений, уже имеющих некоторые навыки в данной работе.

Конференция выделила из себя следующие секции: о культурно-просветительных задачах профессиональных союзов и рабочей кооперации, о рабочем университете, о пролетарских клубах, о работе с юношеством, литературно-издательскую, изобразительных искусств, пролетарского театра и пролетарской музыки.

Во всех секциях шла кипучая работа, но особенный интерес делегатов привлекли вопросы о рабочем клубе и работе с юношеством. Число участников заседаний первой секции временами достигало 110 человек, а второй вопрос был перенесен даже на пленарное заседание. Это объясняется тем, что рабочий клуб является самой распространенной, самой первой культурной ячейкой рабочего класса, в которой он, при правильной постановке дела, может сосредоточить всю свою общественно-политическую жизнь, где он может развернуть все свои способности и удовлетворить все запросы. В рабочем клубе будет складываться новый быт грядущей жизни.

Вполне понятен интерес и ко второму вопросу—о работе с юношеством. Мы прекрасно сознаем, что наше поколение, рожденное в мрачные годы буржуазной культуры, заражено многими предрассудками этой культуры. В жизни нередко можно наблюдать факт, что коммунисты по убеждению и притом старые испытанные товарищи, верные и преданные делу революции, прошедшие путь великих, порою нечеловеческих страданий, в частной жизни сплошь и рядом являются с мещанскими привычками. Нужно быть коммунистом не только по убеждению, но и во всей своей жизни, во всем быту, во всей своей психологии. А для этого нужно воспитывать ребенка в социалистических принципах с первых проблесков его сознания.

Конференция указывала, чтобы Центральный Комитет Пролеткульта взял на себя работу детского воспитания,—вряд ли это удастся в ближайшее время

за недостатком нужных работников; и сама конференция в своем решении прибавила: «поскольку возможно». Зато работа с юношеством—наша первейшая обязанность. Если нет сил взять в свои руки ребенка с 3—5 лет, то, по крайней мере, сосредоточим свое внимание на подростках от 15 лет. Это как раз—такой период, когда начинают складываться убеждения, и тут Пролеткульт должен прийти на помощь со своей коллективистической марксистской идеологией.

Останавливаться на работах каждой секции мы не будем: результаты их закреплены в ниже печатаемых резолюциях. Тех же, кто интересуется деталями, отсылаем к выходящим на днях протоколам конференции.

Работы конференции прошли весьма организованно. Интенсивная работа продлилась, как было намечено, шесть дней. Интерес дела не ослаб до последней минуты; в последний день было три пленарных заседания и почти при полном составе конференции.

И только, когда стихла последняя деловая фраза последнего доклада, провались наружу те чувства, которые объединяли собравшихся и которые были скрыты за деловой работой.

Конференция закончилась прощальным словом председателя тов. П. И. Лебедева-Полянского.

«Мы совершили,—говорил он,—большую историческую работу, которую, несомненно, учтут в будущем и у нас, в Советской Республике, и в других странах. Мы разрешили целый ряд вопросов, которые раньше едва намечались,—и разрешили так, что с большим удовлетворением можно сказать,—мы заложили первый прочный камень пролетарской культуры. Но мы, конечно, не смогли еще построить самого здания. Мы наметили методы, пути, мы выполнили идеологическую часть работы. Мы можем справедливо гордиться только тогда, когда эта идеология будет воплощена в жизнь, когда вы на местах приметесь за самую активную работу по тем планам и методам, которые вы с редким единодушием приняли на конференции. В тесном единении друг с другом мы будем совершать наше великое дело, строительство пролетарской культуры, но вы не должны всецело полагаться на нас; помните, без вас мы в центре бессильны. Мы сможем написать много прекрасных и интересных статей по тем и другим вопросам пролетарской культуры, предложить много полезных деклараций, планов, инструкций, но если вы не будете работать на местах, не будете в трудную минуту оказывать моральную поддержку нам, указывая нам наши ошибки, то наше дело не будет стоять на твердой почве.

Мы были так единодушны во всех решениях и с таким энтузиазмом произносили слова «пролетарская культура», зажигаясь каждый раз огоньком, который воодушевлял нас в работе: несите этот огонек в жизнь на места, чтобы там ваши товарищи, с которыми вы будете обдумывать всякие мелочи работы, тоже зажглись этим священным огоньком; тогда жизнь Пролеткульта будет широкой, интенсивной и яркой.

Отдадим же свои силы, свои знания, свой творческий порыв новому делу.

Вы, конечно, помните библейский рассказ о старце Симеоне. Всю жизнь он ожидал Мессию и, увидев Иисуса, воскликнул: «Ныне отпускаешь раба твоего». Некоторые из нас, большевиков, которые девять лет тому назад подняли за границей вопрос о пролетарской культуре, думали, как бы через все препоны реакции, через путь тяжелых теоретических споров и разногласий донести это знамя и заложить первый камень. И вот теперь, закрывая Первую Всероссийскую Конференцию Пролеткульта, мне, как одному из тех, которые держали знамя, хочется с гордостью сказать, что это знамя мы донесли и развернули. Нынешний день мы вручаем его вам, в ваши надежные руки.

Товарищи! Держите знамя крепко, несите его с честью, разворачивайте его смелее и увереннее. Водружайте его на местах и стройте там новую жизнь, пролетарскую культуру. Покажите творческую мощь рабочего класса.

Единодушны мы были с вами в работе здесь. Будем сохранять единение и тогда, когда вы понесете новые идеи на места».

Бурные аплодисменты, «ура» за пролетарскую культуру и пение Интернационала были заключительным аккордом.

Почетными председателями конференции были тов. В. И. Ленин и тов. А. В. Луначарский.

Приветственные телеграммы были посланы тов. Ленину, тогда еще не оправившемуся от ран, нанесенных контр-революционной рукой безумной женщины, Красной Армии, героически защищающей пролетарскую революцию, и международному революционному пролетариату, в лице товарищей К. Либкнехта и Ф. Адлера, Р. Люксембург, тогда еще бывших в заключении, и Хеглунда.

После закрытия конференции состоялся концерт Петроградского Пролеткульта и большой митинг.

Во время конференции была открыта выставка Отделов Изобразительных Искусств Петроградского и Московского Пролеткультов и устроены два вечера, на которых Петроградский и Московский Пролеткульты демонстрировали достижения своих студийных работ.

Как во всяком новом деле, в этих демонстрациях были сразу видны недостатки работ, тем не менее начинания эти интересны и говорят о творческой работе; недаром же оба вечера вызвали продолжительную дискуссию.

Конференция приняла устав и определила состав Всероссийского Совета Пролеткульта и его Центрального Комитета.

В Центральный Комитет выбраны: председатель *П. И. Лебедев (В. Полянский)*, тов. председателя—*Ф. И. Калинин* и *А. И. Маширов (Самобытник)*, секретарь *В. В. Игнатов*; члены Ц. К. — *А. А. Богданов*, *Н. М. Васильевский*, *С. К. Галичев*, *М. П. Герасимов*, *А. А. Доданова*, *В. В. Кассиор*, *В. Т. Кириллов*, *И. И. Никитин*, *К. А. Озоль*, *И. И. Садофьев* и *В. П. Файдыш*.

В Коллегию Отдела Пролетарской Культуры при Народном Комиссариате Просвещения выбраны: *Ф. И. Калинин*, *А. И. Маширов (Самобытник)* и *В. П. Файдыш*.

В редакцию журнала «Пролетарская Культура», как центрального органа Всероссийского Совета Пролеткульта, избраны: *А. А. Богданов*, *Ф. И. Калинин*, *В. Керженцев*, *П. И. Лебедев (В. Полянский)* и *А. И. Маширов (Самобытник)*.

Итак, фундамент новой формы рабочего движения, культурно-просветительного, заложен, основные принципы осознаны и единодушно закреплены в резолюциях конференции.

Теперь, товарищи, будем работать над проведением их в жизнь. Задача трудная, но будем верить, что мы ее разрешим.

В. Куназин.

Резолюции конференции.

Приветствие т. Н. Ленина президиуму конференции.

Дорогие товарищи! От души благодарю вас за добрые пожелания и в свою очередь желаю вам наилучших успехов в ваших работах.

Одно из главных условий победы социалистической революции есть усвоение рабочим классом и проведение в жизнь господства этого класса на время перехода от капитализма к социализму. *Господство* авангарда всех трудящихся и эксплуатируемых, т. е. пролетариата, необходимо на это переходное время для полного уничтожения классов, для подавления сопротивления эксплуататоров, для объединения всей массы трудящихся и эксплуатируемых, забитой, задавленной, распыленной капитализмом вокруг городских рабочих в теснейшем союзе с ними.

Все наши успехи вызваны тем, что рабочие поняли это и взялись за управление государством через свои Советы.

Но рабочие *недостаточно* еще поняли это и часто бывают чрезмерно *робки* в деле выдвигания *рабочих* для *управления* государством.

Боритесь за это, товарищи! Пусть пролетарские культ.-просв. организации помогут этому. В этом—залог дальнейших успехов и окончательной победы социалистической революции.

С приветом

В. Ульянов (Ленин).

Общая резолюция.

(Докладчик П. ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ.)

Первая Всероссийская Конференция Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций, указывая,

1) что Культурно-Просветительное движение среди пролетариата должно занять самостоятельное место рядом с политическим и экономическим движением,

2) что задачей его является выработка пролетарской культуры, которая с уничтожением в обществе классового деления станет общечеловеческой,

3) что строительство этой новой культуры должно базироваться на общественном труде и товарищеском сотрудничестве

полагает:

1) в целях достижения поставленной задачи пролетариат должен постигнуть все достижения предыдущей культуры, усвоить из нее все то, что носит на себе печать общечеловеческого;

2) все эти усвоения он должен воспринять критически и переработать в горниле своего классового сознания;

3) пролетарская культура должна носить характер революционного социализма, чтобы пролетариат мог вооружить себя новым званием, организовать свои чувства посредством нового искусства и преобразовать свои бытовые отношения в новом духе, истинно-пролетарском, т.-е. коллективистическом;

4) в деле строительства новой культуры пролетариат должен проявить максимум своей классовой энергии, своей самостоятельности, пользуясь также помощью революционно-социалистической интеллигенции, поскольку это возможно;

5) закладывая фундамент новой формы рабочего движения «Пролеткультов», отстаивая их организационную самостоятельность, чтобы во всем объеме могло развернуться строго-классовое пролетарское творчество, Конференция полагает, что государственные учреждения, центральные и местные, должны способствовать всеми средствами новому движению, чтобы прочнее закрепить завоевания Пролетарской Революции, чтобы победить буржуазию не только материально, но и духовно, чтобы скорее возвести новое здание грядущего социалистического общества.

Принята единогласно при 5 воздержавшихся.

16/IX 1918 г.

Наука и рабочий класс.

(Докладчик А. БОГДАНОВ.)

Первая Всероссийская Конференция Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций, рассматривая науку, как орудие организации общественного труда, которое в руках классов господствующих служило до сих пор также орудием господства, но в руках рабочего класса должно служить орудием его социальной борьбы, победы и строительства, признает основной задачей в научной области социализацию науки, т.-е.:

1) систематический пересмотр научного материала с коллективно-трудо-вой точки зрения;

2) его систематическое изложение применительно к условиям и потребностям пролетарской работы, как повседневной, так и революционной;

3) массовое распространение научных знаний в таком преобразованном виде.

Конференция полагает, что основными организационными средствами для такой социализации науки должны явиться:

1) создание Рабочего Университета, в виде целостной системы культурно-просветительных учреждений, построенной на товарищеском сотрудничестве учащихся и учащихся и последовательно ведущей пролетария к совершенному обладанию научными методами и высшими достижениями науки;

2) на основе деятельности Рабочего Университета, выработка Рабочей Энциклопедии, стройного, доведенного до наибольшей простоты и ясности изложения методов и достижений науки с пролетарской точки зрения.

Принята единогласно при 7 воздержавшихся.

17/IX 1918 г.

Пролетариат и искусство.

(Докладчик А. БОГДАНОВ.)

1) Искусство организует посредством живых образов социальный опыт не только в сфере познания, но также в сфере чувства и стремлений. Вследствие этого оно—самое могущественное орудие организации коллективных сил, в обществе классовом—сил классовых.

2) Пролетариату для организации своих сил в социальной работе, борьбе и строительстве необходимо свое классовое искусство. Дух этого искусства—трудовой коллективизм: оно воспринимает и отражает мир с точки зрения трудового коллектива, выражает связь его чувства, его боевой и творческой воли.

3) Сокровища старого искусства не должны приниматься пассивно: тогда они воспитывали бы рабочий класс в духе культуры господствующих классов и тем сама в духе подчинения созданному ими строю жизни. Сокровища старого искусства пролетариат должен брать в своем критическом освещении, в своем новом истолковании, раскрывающем их скрытые коллективные основы и их организационный смысл. Тогда они явятся драгоценным наследием для пролетариата, оружием в его борьбе против того же старого мира, который их создал, и орудием в устройстве нового мира. Передачу этого художественного наследия должна выполнять пролетарская критика.

4) Все организации, все учреждения, посвященные развитию дела нового искусства и новой критики, должны быть построены на товарищеском сотрудничестве, которое непосредственно воспитывает их работников в направлении социалистического идеала.

Принята единогласно при 1 воздержавшемся.

20/IX 1918 г.

Резолюция по Рабочему Университету.

(Докладчик А. МАШИРОВ-САМОБЫТНИК.)

1) Сосредоточение государственного аппарата в руках Рабоче-Крестьянской власти создает возможность немедленной организации Пролетарских Университетов, как высших школ и центров пролетарской науки.

2) В Пролетарских Университетах пролетариату должна быть предоставлена возможность полнейшего овладения научным опытом на основе его проверки с нашей кассовой точки зрения, в целях укрепления, углубления и дальнейшего развития всех завоеваний революции.

3) Для выработки программ и создания первого руководящего кадра преподавателей необходимо привлечение лучших теоретических сил нашего революционного социализма, преимущественно из партии коммунистов и сочувствующих ей.

4) Контроль над характером программы и общим ведением дел в Пролетарских Университетах принадлежит конференции и съездам пролетарских культурно-просветительных организаций.

5) Самая выработка программ должна выполняться в сотрудничестве руководителей и слушателей. На этом же сотрудничестве должно быть построено все преподавание и внутренняя автономная организация жизни Университета. Советы Университетов должны состоять из представителей от слушателей и руководителей при участии представителей Пролеткультов, Народного Комиссариата по Просвещению и местных Советов.

6) Программные задачи Пролетарских Университетов заключают 3 цикла или курса:

а) *подготовительный* должен оформить и систематизировать знания, уже имеющиеся у слушателей, а также дополнить их всеми знаниями, необходимыми для усвоения цикла основного;

б) *основной* должен широко и прочно, в строго научной постановке, заложить основы социалистического миропонимания, превращая слушателя в образованного социалиста, владеющего основными методами главных областей науки;

в) *специализированный* делится, сообразно построению общественного процесса, на факультеты технический, экономический и культурный; на каждом из них специально в углубленной научной постановке изучается соответственная группа предметов, но не изолированно от других групп, а в необходимой связи с ними, с общими кафедрами таких основных предметов, как политическая экономия.

7) Для подготовки кадров научных преподавателей должна послужить существующая в Москве Социалистическая Академия, и необходимо организовать такую же в Петрограде. Они должны рабочим, уже имеющим некоторый научный опыт, дать соответствующую теоретическую и практическую подготовку. В них же должны продолжить свою научную работу те работники, которые по окончании Пролетарского Университета посвятят себя специальной работе в той или иной области науки.

8) Пролетарские Университеты должны быть организованы во всех крупных промышленных центрах Советской России, начиная с Москвы и Петрограда.

9) Доступ в Пролетарские Университеты должен быть свободен в первую очередь для рабочих, лишь с необходимой в интересах самих слушателей товарищеской проверкой знаний.

10) Все пролетарские общественные учреждения, — фабричные заведения, торгово-промышленные, профессиональные, кооперативные, — должны предоставить своим рабочим и служащим возможность посещения университетских курсов.

Принята единогласно при 3 воздержавшихся.

18/IX 1918 г.

Резолюция по вопросу о рабочих клубах.

(Докладчики Ст. КРИВЦОВ и С. КРЖИЖАНОВСКИЙ.)

Рабочей мастерской пролетариата по выработке своей культуры является пролетарский клуб.

Это возможно только в том случае, если вся работа клуба будет строиться на творческой активности всех его членов.

Для преодоления бытового мещанства, господствующего в семейных отношениях рабочих, клубы должны активно бороться с ним, вовлекая в свою творческую жизнь всех членов пролетарской семьи.

Для вовлечения широких масс пролетариата в свою работу клуб делится с ней всеми своими достижениями.

Организационно все пролетарские клубы должны быть связаны воедино с местным Пролеткультом.

Завершением всего этого строительства явится Дворец Пролетарской Культуры.

Дополнение к резолюции.

Конференция предлагает товарищам на местах принять для руководства тезисы заслушанных докладов т.т. *Кривцова* и *Крисижановского* и поручает Ц. К. Пролеткульта выработать примерный устав Пролетарского Клуба. Временно же рекомендует устав клубов Московского Пролеткульта.

Конференция высказывает пожелание, чтобы клубы красноармейцев находились в тесном сотрудничестве со всеми рабочими организациями, чем укрепится единение пролетария и красноармейца и чем уничтожатся темные стороны казарменной жизни.

Принята подавляющим большинством при 21 воздержавшемся и 2-х против.

18/IX 1918 г.

Резолюция по вопросу о работе с юношеством.

(Докладчик Е. ХЕРСОНСКАЯ.)

1) Одной из существенных задач культурного строительства пролетариата является содействие тому, чтобы стихийный рост молодежи был введен в русло сознательного классового жизнетворчества.

2) В этих целях секция Пролеткульта по работе с юношеством должна действовать: а) организации союзов молодежи как в местном, так и в общегосударственном масштабе, б) помогать культурному самоопределению молодежи внутри них.

3) Постановка студийных и клубных работ в союзах молодежи отличается от работ со взрослыми большей индивидуализацией групп, более интимным характером с одной стороны, а с другой—введением в процесс работы педагогических продуманных экспериментов общественно-бытового творчества, что необходимо в интересах подготовки к обще-государственному строительству.

4) Задачи физического воспитания и образования молодежи требуют создания особых инструкторов, так как буржуазные знатоки этого дела в большинстве случаев плохо ориентируются в обстановке трудового пролетарского быта.

5) Молодежь красной армии должна быть вовлечена в союзы, метод работы с красноармейцами должен быть приспособлен к их жизни так, чтобы процесс обучения военному делу шел в тесной связи с ростом классового самосознания и не подавлял его.

6) В интересах международного движения пролетариата необходимо в местных союзах молодежи поддерживать тенденцию к установлению связи с аналогичными союзами всего мира.

7) Желательно, чтобы образовавшийся Всероссийский Союз Молодежи имел своего представителя в Пролеткульте, как и в других центрах рабочего движения.

8) Желательно, чтобы общественные организации шли навстречу молодежи в студийной работе обследования общественных форм строительства социалистической республики, не отказывая в ответах на анкеты, производимые союзами молодежи.

9) Необходимо до того времени, пока социалистическое государство настолько окрепнет, что сможет освободить юношество от работы на заводах, добиваться освобождения хотя бы на два часа тех, кто работает в студиях и других культурно-просветительных ячейках.

Принята единогласно при 1 воздержавшемся.

20/IX 1918 г.

Резолюция по вопросу о культурно-просветительных задачах Профессиональных Союзов.

(Докладчик В. КОССИОР.)

1) Профессиональные Союзы, как классовые рабочие организации, заинтересованные в строительстве пролетарской культуры, должны оказать в этом отношении самую деятельную поддержку Всероссийской Организации Пролеткульта. В интересах объединения всей культурно-творческой деятельности пролетариата, работа в области общей разработки вопросов пролетарской науки и искусства должна быть идейно сосредоточена в организациях Пролеткульта и не распыляться по отдельным профессиональным рабочим организациям.

2) Культурно-организационная деятельность Профессиональных Союзов должна быть, главным образом, сосредоточена,—сообразуясь с новыми задачами, вставшими перед профессиональным движением,—на культурно-промышленном воспитании широких рабочих масс в духе товарищеской дисциплины и коллективизма.

3) Применительно к этому культурно-организационные отделы Профессиональных Союзов, тесно связанные с пролеткультами, должны организовать курсы, лекции, практические занятия, выставки и т. д. по вопросам производственно-профессионального движения (по теории и практике тарифной деятельности, нормированию и охране труда, по вопросам рабочего законодательства, истории развития и состояния промышленности, управления производством, национализации и трестирования предприятий и т. д.).

4) Для этой цели Профессиональным Союзам также необходимо создать в единых рабочих клубах особые отделы, где бы пролетариат в часы отдыха в доступной форме (путем таблиц и диаграмм, профессиональной рабочей печати, рабочего кинематографа и т. д.) смог ознакомиться со всеми достижениями и потребностями профессионального рабочего движения.

5) При Рабочем Университете Профессиональными Союдами должен быть создан профессиональный Отдел, в котором бы концентрировался и разрабатывался в общем масштабе весь опыт союзного движения и где бы готовились инструктора и практические работники, обслуживающие деятельность Профессиональных Союзов.

Принята единогласно.

20/IX 1918 г.

Резолюция по вопросу о культурно-просветительных задачах Рабочих Кооперативов.

(Докладчик Н. ВАСИЛЕВСКИЙ.)

1) Рабочая Кооперация, как одна из форм рабочего движения, должна руководиться в своей культурно-просветительной деятельности теми общими принципами, которые легли в основу движения российского пролетариата после октябрьской революции.

2) Рабочая Кооперация в своей культурно-просветительной работе должна перейти от «культуртрегерства» и «просветительства» к активному созиданию пролетарской культуры.

3) Для осуществления этой цели культурно-просветительная работа Рабочих Кооперативов должна вестись под знаменем Пролеткульта и объединяться вокруг местных его ячеек.

4) Рабочие Кооперативы должны оказать самую широкую поддержку Пролеткульту, в центрах и на местах, как материальными средствами, так и работниками.

5) Те огромные денежные средства, которые собираются в Рабочих Кооперативах с рабочих, как потребителей, должны быть рационально использованы

в целях создания новой, пролетарской культуры под руководством Всероссийского Центра Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций—Ц. К. Пролеткульта.

б) Находя, что работа «культурников», руководящих сейчас Рабочей Кооперацией, наносит явный вред культурному строительству пролетариата, затемняя его цель—создание новой пролетарской культуры,—Всероссийская Конференция Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций поручает Ц. К. Пролеткульта выработать вместе с кооператорами-коммунистами меры действительного контроля над культурно-просветительной работой тех Рабочих Кооперативов, в которых прочно свили себе гнездо враждебные пролетариату элементы из саботажников, социал-предателей и бело-эсэров.

Принята единогласно.

19/IX 1918 г.

Резолюция по вопросу литературно-издательскому.

(Докладчик Б. МАНДЕЛЬБАУМ.)

Пролетариат призван создать свою художественную литературу и поэзию, существенно отличающуюся от бывшей до сих пор буржуазной; выдвинуть своих поэтов и беллетристов, художников слова, воплощающих новорождающуюся жизнь в новых своих формах. Он должен найти новые способы творчества; отчасти это уже происходит, и ряд молодых пролетарских писателей выявляет свое творчество в области слова.

1) Для достижения этой цели необходимо повсеместное создание особых *литературных студий*, в которых работа велась бы по двум направлениям:

а) Давалось бы знакомство с литературным наследием прошлых эпох, и для этого читались бы курсы по истории древней и новой литературы, русской и иностранной, критике и по истории культуры, при чем все эти курсы должны излагаться в освещении марксистского миропонимания.

б) Рабочий писатель и рабочий читатель должны ознакомиться с техникой, с внешним умением, с навыками литературного творчества,—для чего необходимы теоретические курсы и практические занятия по метрике, ритмике и общей теории стихосложения, по теории драматургии, художественной прозы и критике.

2) Особо должны быть выделены теоретические и практические занятия по журналистике, знакомство с которой при повсеместно разбросанных студиях должно быть организовано на представительных началах.

3) Издательская деятельность редакционных коллективов в главных своих чертах должна сводиться к следующему:

а) к изданию теоретических учебников и курсов, освещенных с классовой точки зрения, и технических руководств по всем отраслям литературного творчества, начиная от поэтики и кончая журналистикой;

б) к самому широкому изданию произведений пролетарских писателей, при чем, однако, должно быть издаваемо только наилучшее, действительно ценное, ибо право печатания есть право, которое каждый должен себе завоевывать; ибо рабочий писатель есть организатор коллективной мысли пролетариата.

Дополнение к резолюции.

Конференция поручает Ц. К. Всероссийского Пролеткульта 1) принять ближайшее участие в организации Всероссийского Союза рабочих писателей.

2) Высказывает пожелание о созыве, при первой же возможности, Всероссийского Съезда рабочих писателей, в целях окончательной организации Союза.

3) Создать Центральный орган, объединяющий пролетариев-работников пера.

Принята единогласно при 4 воздержавшихся.

18/IX 1918 г.

Резолюция по вопросу об изобразительных искусствах.

(Докладчик А. АНДРЕЕВ.)

Первая Всероссийская Конференция Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций принимает следующие основные положения в выявлении и создании основ Пролетарского Изобразительного Искусства.

1) Необходимо объединение всех пролетарских творцов-художников в учебно-трудоустроенные и инструкторско-пропагандистские коммуны.

2) Поручить таковым коммуна организация и устройство мастерских-студий, лабораторий для учебно-трудоустроенного коллективного творчества по всем специальностям изобразительного искусства.

3) Выясняя в коллективном сотрудничестве основы идеологии пролетарского художественного творчества, пропитывать и насыщать всю жизнь пролетариата искусством, осуществляя пропаганду социального коммунизма средствами и формами изобразительного искусства.

4) Непосредственными творческими, трудовыми коллективными собраниями пролетарской науки и методологии в изобразительном искусстве и учебно-воспитательными должны быть университеты-заводы пролетарских изобразительных искусств, организуемые и сооружаемые по всей советской территории.

5) Непосредственными проводниками изобразительного искусства во всей области жизни должны служить учебные и воспитательные учреждения: клубы, театры, музеи, рабочие университеты и заводы, лаборатории, картинные галереи, выставки, кинематографы, экскурсии и т. д.

6) Коммуны пролетариата и их представители в государственных, муниципальных и общественных учреждениях должны принимать самые энергичные меры в широком проведении всех мероприятий в этой области: в украшении городов, постройке зданий, постановке памятников, участии в народных празднествах, в промышленном производстве, произведениях печати в самом широком масштабе и т. п., например, картины революции, агитационные лубки, иллюстрации, плакаты, портреты общественных деятелей, памятники и прочие сооружения, для чего необходимо обеспечить Коммуны всеми материалами, инструментами и финансовыми средствами.

7) Все образцовые творческие произведения Коммун пролетарских художников составляют достояние всего пролетариата и собираются в производственных, воспитательных общественных учреждениях государства.

8) Суммируя основные задачи пролетариата в области изобразительных искусств, первая Всероссийская Конференция Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций видит в творческих произведениях изобразительных искусств, созданных на основе пролетарской революционной идеологии, источник радости, красоты и мудрости жизни пролетариата, а также и могучее орудие пропаганды классового самосознания в международной пролетарской революции.

Конференция верит, что пролетарское искусство в целом зажжет мировые огни и осветит путь к мировому социализму.

Принята единогласно при 5 воздержавшихся.

18/IX 1918 г.

Резолюция по вопросу о пролетарском театре.

(Докладчик В. КЕРЖЕНЦЕВ.)

Первая Всероссийская Конференция Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций, придавая особенное значение созданию пролетарского театра, намечает следующие ближайшие задачи театральных отделов Пролеткульта:

1) Строительство пролетарского театра должно начаться с создания кадров актеров, вышедших из пролетарской среды и отражающих психологию, замыслы и стремления революционного пролетариата, т.е. с образования при Пролеткультах драматических рабочих студий.

2) Инструкторская работа в студиях должна идти при участии тех профессиональных актеров, которым близки стремления рабочего класса к созданию социалистического театра. Работая под идейным социалистическим контролем, эти профессионалы-техники будут обучать рабочих необходимой азбуке сценического искусства, ознакомлять с новейшими течениями, представляя затем широкое поле для свободного творчества артистам пролетариям.

3) Репертуар пролетарского театра предстоит еще создать, и на это следует обратить главное внимание театральных и литературных отделов Пролеткультов. В виде переходной меры из мировой литературы можно выбрать пьесы, трактующие темы, близкие по духу настроениям революционного пролетариата.

4) По мере созидания законченных пролетарских трупп, лучшие из существующих театров должны передаваться в ведение Пролеткультов.

5) До тех пор в области буржуазного театра государственной власти предстоит: а) национализировать театры, т.е. изъять их из рук частной антрепризы и передать коммуна или государству, б) произвести учет всех артистических сил и коллективов в целях равномерного распределения их по стране, в) взять под строгий контроль репертуар театров и помочь установлению репертуара, отвечающего требованиям эпохи.

Принята единогласно при 5 воздержавшихся.

18/IX 1918 г.

Резолюция по вопросу о пролетарской музыке.

(Докладчики Н. БРЮСОВА и Б. КРАСИН.)

Музыка, как самое чистое отражение внутренней духовной жизни, как сильнейшее средство, организующее чувство и волю масс, как великая сила для пересоздания человека, — должна быть неотъемлемой частью пролетарской культуры, а поэтому в задачи музыкального отдела Пролеткультов входит:

1) Помощь пролетариату в овладении музыкальным достоянием человечества.

2) Содействие выявлению нарождающегося коллективного и индивидуального творчества пролетариата в области музыкального искусства в виде помощи художникам-исполнителям и художникам-творцам.

3) Борьба с суррогатами музыки (ресторанная музыка, пошлая музыка на слова революционного содержания и т. д.) главным образом путем противопоставления им возрожденной художественной народной песни и лучших произведений нового музыкального творчества.

В этих целях должны быть немедленно и повсеместно организованы пролетарские музыкально-вокальные студии под наблюдением опытных руководителей, посланных Пролеткультом.

Принята единогласно при 2 воздержавшихся.

18/IX 1918 г.

Устав Всероссийского Совета Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций.

(Всероссийский Совет Пролеткульта.)

Всероссийский Совет Пролеткульта, как организационное завершение новой формы рабочего движения, является центром, объединяющим и руководящим в деле строительства революционно-коммунистическим пролетариатом своей пролетарской культуры.

Для этого он объединяет все пролетарские культурно-просветительные организации и создает таковые вновь, образуя из них Уездные и Губернские Пролеткульты.

Примечание. Решения Всероссийской Конференции и Всероссийского Совета обязательны для всех объединенных в Пролеткульте Организаций. Совет prepares кадр своих деятелей, специальных инструкторов-организаторов и командиров их на места, в целях содействия правильной постановке работ по строительству пролетарской культуры.

Всероссийский Совет Пролеткульта состоит из 15 членов и 8 кандидатов к ним, избираемых Конференцией; кроме того, по одному представителю посылают Московский, Петроградский и каждый Губернский Пролеткульт, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет совдепов, Центральный Комитет Российской Коммунистической партии, Народный Комиссариат по Просвещению, Всероссийский Совет Профессиональных Союзов, Центральные Профессиональные Союзы (напр., металлистов, текстилей, железнодорожников и т. д.), Совет Рабочей Кооперации, Всероссийский Центр Революционно-Социалистической Молодежи, Красная Армия и Флот.

Полномочия Совета продолжаютея со дня выбора его до следующей Конференции, которая созывается Советом не менее одного раза в год.

Сам Совет собирается не менее одного раза в 3 месяца. Кворум его определяется в половину голосов всех зарегистрированных его членов.

Для практического осуществления стоящих перед Пролеткультом задач выбранные на Конференцию члены составляют Исполнительный орган Совета, Центральный Комитет, который в свою очередь выделяет Президиум из 7-ми человек.

Конференция избирает председателя, 2-х товарищей и секретаря. Для установления контакта с Народным Комиссариатом по Просвещению Конференция выбирает заведующего Отделом Пролетарской Культуры в Народном Комиссариате по Просвещению, а также 2-х членов коллегии.

Отдел Пролетарской культуры в Народном Комиссариате по Просвещению ведет свою работу в полном контакте с Ц. К. Пролеткульта и дает в своей работе отчет Совету Пролеткульта.

Всероссийский Совет Пролеткульта конструирует следующие Отделы: Научный, Искусств, Литературно-Издательский, Организационно-Инструкторский, Финансовый и Отдел Детского воспитания (последний по мере возможности).

Во главе каждого отдела стоит заведующий, ответственный перед Ц. К. за все ведение в отделе работы.

Работа ведется согласно постановлениям Конференции и Совета; для успешности дела Ц. К. может создавать разные подсобные учреждения, в виде студий-лабораторий и т. д.

Редакция Центрального Органа «Пролетарская Культура», в составе 5 членов, избирается и утверждается на Всероссийской Конференции. Под ее наблюдением идет все издательство Ц. К. Пролеткульта.

Средства Всероссийского Совета состоят из подотчетных субсидий Народного Комиссариата по Просвещению и из доходов различных предприятий и учреждений Совета.

Примечание 1-е. Ц. К. вырабатывает план самообложения пролетариата на цели строительства пролетарской культуры, который входит в силу с утверждения Советом.

Примечание 2-е. Все самостоятельные пролетарские культурно-просветительные организации, пользующиеся денежной помощью из государственных учреждений в период организации и развития своей деятельности, должны стремиться существовать за свой счет.

Примечание 3-е. Все организации Пролеткульта должны добиваться, чтобы рабочие организации на местах выделяли из своих доходов местному пролеткульту по взаимному соглашению определенный процент. Ревизионная Комиссия из 5 лиц выбирается Конференцией.

Принят единогласно при 3 воздержавшихся.
18/IX 1918 г.

Хроника «Пролеткульта».

В провинции.

Глубокое внимание, с которым выслушивались и обсуждались принципиальные доклады на нашей конференции, ярко свидетельствует о стремлении разобраться в этих вопросах на местах. Этим же вопросам посвящается много внимания и в провинциальной прессе.

В недавно освобожденной от белых Пензе советский орган «Молот» в статье под заглавием «Грядущая культура», настаивая на необходимости параллельной культурной работы рядом с политической и экономической, правильно утверждает следующее: «Только тогда, когда материальное строительство пойдет рука об руку со строительством духовным,—только тогда жизнь станет полной и прекрасной, ибо не единый хлеб насущный может удовлетворить пролетариат». Отсюда, по мнению «Рабочего Пути», органа Иванова-Вознесенска, «Пролеткульт», это—великое учреждение для воспитания юной, еще слабой, но дорогой для всех трудящихся пролетарской культуры». И в наши грозные дни,—дни борьбы славного красного знамени нашей пролетарской социалистической революции с интернационалом буржуазии,—не следует забывать наших творческих задач или, как резко ставит «Беднота», помнить девиз наш: «Бороться на фронте и учиться в Пролеткульте». Положение обязывает. Поэтому-то больше чем когда-либо надо ясно понимать сущность нашей работы. Вот почему очень важно—строго делить нашу работу. В этом вопросе путаница смерти подобна. Вот почему очень интересной нам кажется статья «Пролетарская культура и сельско-хозяйственная коммуна», помещенная в «Петроградской Правде».—Указывая на опасность левого с.э-ства в смысле затемнения чистоты классового сознания, автор утверждает, что единственным творцом пролетарской культуры является пролетариат, который вкладывает в свое сознание тот дух, который исключительно присущ ему. «Задача—полное изменение русла духовной жизни, иначе грозит крушение». В самом методе труда и организованности создается наша пролетарская культура. Отсюда опасность деревни, «ибо до тех пор, пока мы не станем смотреть на землю, как на фабрику, с присущими ей методами работы, фабрику, на которой выковывается наше самосознание владык планеты,—до тех пор нам будет грозить рабством наша земля». Отсюда коммуна должна стать земельной фабрикой, организация и метод работы на которой должны быть фабричными. Вот эту опасность и должны твердо помнить все товарищи, призывающие к объединению или полному слиянию пролетариата и буржуазно-крестьянина, и городского мещанина в творческой работе.

Как работать над выковкой этого нового оружия нашей классовой борьбы? Лучший путь—кружковая работа, к которой призывает т. С. Ш. в «Виземских Известиях», рас-

сказывая про организацию кружка для изучения политической экономии в своем клубе. Указывая на пассивность массы, которая вяло приняла факт, что старый строй сгнил, и не задумалась над вопросом, всегда ли этот старый строй был гнилой и почему он сгнил, автор говорит: «От непривычки и в первый момент казалось, что этот метод (метод активного сотрудничества всех членов) дается трудно членам кружка, но уже первый вечер занятий этого кружка показал, как благотворно он действует на применяющих его. Сразу после некоторого смущения почувствовалось, как возбуждается творческая активность каждого участника кружка». Только таким путем на наш взгляд и возможен переход от чисто-просветительной работы к творческой. Мы ведь постоянно подчеркиваем необходимость студийной работы.

Студийная работа легче всего мыслится в области искусства, и, вероятно, поэтому мы и видим громадный рост студий как в центрах, так и в провинции. Вот картинка смоленской студии: «Здесь и те, кто учится и кто совершенствуется,—все вместе. Слышится вопрос: «Вот как этот куб мне изобразить полнее? Покажите-ка». И художник объясняет, показывает. «Я с азов учиться пришел.—Рисовал ли?—Где там рисовать было... Только вот в детстве разве... Был это, значит, у батьки деготь, целое ведро, а я его и вымывал на рисование заместо красок. Ну, и задали же мне... Товарищ, с чего мне начать: с чучела или гипса?—«Как хотите. Выбор у нас свободный, с чего сможете. Вот вам папка, уголь, бумага. Вы с этой гипсовой пирамиды начать хотите? Ну, что ж, и прекрасно». Как видим, принципом работы является полная свобода (нестесняемая рамками школы) художественного творчества.

Смоленский пролеткульт решил путем курсов обслуживать и нужды своего пролетарского театра. Пролетарский театр очень волнует товарищей. Калужане призывают товарищей заложить основы театра. А тамбовская конференция много места в своей работе уделила театру. Т. Бойцов в своем докладе «О буржуазном западном и японском театре» остановился на капиталистическом характере театральных предприятий, что гибельно отражается на репертуаре. Вопрос о репертуаре очень важен, говорил т. Гаврилов, «учитывая страшное желание различных зрелищ со стороны масс». На негодность репертуара указывал т. Сапруг. План предстоящей работы возникающего тамбовского пролеткульта в области создания пролетарского театра нарисовала т. Васильева. С вопросом о репертуаре столкнулись и в Смоленске. На вечеринке о «Задачах рабочих в культурном строительстве» обсуждался «Савва» Андреева и совершенно резонно был единодушно исключен из рабочего репертуара, как пьеса ярко анархическая и глубоко пессимистическая. Этот факт нас радует, потому что поголовное увлечение

Андреевской риторикой нас пугало. Смоленский пролетарский театр решил ознаменовать 90-летнюю годовщину рождения Толстого специальным спектаклем. Из Острожного сообщают про открытие хоровой и инструментальной студий, но жаждутся на непролетарский характер состава студийцев. В Кологриве создана студия изящного слова, где, помимо занятий, устраиваются и дискуссии; так была устроена дискуссия на тему «Куда идти?» (о кризисе русской интеллигенции). Смоленский пролеткульт на свою студию смотрит как на своего рода литературный клуб и мыслит через совместное обсуждение переход к коллективному творчеству. Надо отметить здесь же попытку московского пролеткульта создать школу пролетарских журналистов. Мы все чувствуем недостаток наших газет, и надлежит принять все меры к тому, чтобы рабочие газеты велись так же, как «Правда» 1912—1914 г., когда она обслуживалась почти исключительно самими рабочими. А то не секрет—полная оторванность наших газет и журналов от жизни в районах и на местах.

Больше всего сообщений мы встречаем о клубной жизни. После летнего затишья жизнь их начинает бить подним ключом. У товарищей на местах ясное сознание того, что именно клуб—наша первая ячейка культурного строительства. Вот костромские ремесленники призывают товарищей основать свой клуб: «Без света мы погибем, как мухи. Надо, чтобы путь, нам открытый, не зарос сорной травой. Мы, как жалкие черви, расплозились по своим углам, не замечая жизни других. Клуб, это—путеводная звезда наша». Заканчивается обращение просьбой: «Мы предлагаем после прочтения... подумать, насколько важно в настоящее время знание для рабочих». Или в Н. Шкифе Пензенской губ. организаторы клуба считают своими задачами «привить своим членам дисциплину ума, воли и характера». А тов. И. Ефименко, сообщая в «Известиях Камышинского Совета» об открытии красноармейского клуба, говорит: «Там будут учить пролетариат жить без насилий, без капиталистов и эксплуататоров». Брянские товарищи понимают свою задачу так: «Объединение трудящихся для коллективной творческой работы, при чем требуется участие каждого и этой работе—строительство новых форм жизни. Клуб—школа развития социалистического сознания». Ставя такие высокие задачи, естественно мучительно клубисты чувствуют промахи клубной жизни. Из Костромы сообщают, что при открытии одного клуба была устроена лотерея. Из Лежнева Тейковского у. пишут, что пока что клуб производит впечатление стационарного зала II класса своим буфетом и чайной комнатой, почему заявляется требование к руководителям: «Побольше свежести и поменьше старого буржуазного, капиталистического. Побольше выдержки, порядка и заботы о духовной жизни рабочих». После доклада о московской недавней конференции тт. большевики в Воронеже решили основать клуб-коммуну, который и сделать мастерской своей идеологии культуры.

Но часто жизнь клуба всецело зависит от наличия умелого организатора. А не секрет,

что их у нас чересчур мало, в особенности органически связанных с рабочей массой. Поэтому петербургский пролеткульт стал на правильный путь студийного инструкторства. Клубный отдел ставит своей задачей: «Объединение практических работников и недостаток знания восполним на практике». Отсюда горячий призыв: «Товарищи, не смущайтесь тем, что вы неопытны,—опыт приобретается. Приходите к нам и записывайтесь, и тем самым мы положим начало организации кружка инструкторов по внешнему образованию». Подобную организацию уже создали костромичи. Правильно полагая, что мы учимся и развиваемся, чтобы передать свои знания и свой опыт потом другим, решено было из всех членов городского рабочего клуба создать организаторов для уздов. С этой целью устраиваются собеседования, а местные инструкции являются своего рода справочниками. Беседы ведутся по следующим вопросам: 1. Доклады о формах культурно-просветительной работы. 2. Последующие беседы о выслушанных докладах. 3. Совместное чтение материалов и статей. 4. Совместное освещение собственной работы за истекшую неделю.

Этот же первый рабочий социалистический клуб в Костроме устроил крайне интересную выставку по клубному делу. Материалом явились: открытки клуба и его жизни, различные группы; плакаты с клубными девизами: «От каждого по способности, каждому по потребности»; «В самостоятельности членов—залог успеха»; диаграммы-анкеты, которые дают ясное представление о составе членов, посещениях различных клубных начинаний и т. п. Выставлены были плакаты о лекциях с подробными конспектами, также плакаты на злободневные вопросы. Представлена была и полно жизнь библиотеки рядом таблиц и «своей тихой читальней». Следует и другим товарищам заниматься у костромичей их начинание—выставление на цитах газетных и журнальных вырезок. Были выставлены и собственные издания: «Книжка о выставке», пьеса Ибсена (не указана какая), брошюра о полугодином юбилее, брошюра «Как устроить клуб и о задачах клуба» и №№ собственного журнала. О литературных начинаниях костромичей мы поговорим особо, но здесь же мы должны отметить, что только таким путем, какими пошли товарищи из Костромы, мы и будем строить нашу пролетарскую культуру не на зыбком песке, а на гранитном основании.

Клубы явятся и организаторами тяги к овладению знанием. А тяга эта велика: вот какое письмо получил астраханский губернский комиссар по просвещению: «Как вам, как к отцу просвещения, я обращаюсь с искреннейшей просьбой открыть при средних учебных заведениях для взрослых, служащих в различных учреждениях; не имеющим возможности уделить день на образование, вечерние занятия в старших классах с четырьмя часами. Так не дайте же уснуть хорошим стремлениям и не ставьте препятствий в виде вечерних работ». Этот вопль был услышан, и было в одной Астрахани открыто семь народных гимназий.

Увечиванием таких работ должен явиться

пролетарский университет, о котором в настоящем № имеется особая статья т. А. А. Богданова. Но здесь-то и нужно полное понимание вопроса, почему нам нужен, кроме народных и государственных университетов, свой классовой пролетарский университет. А это не всегда правильно понимается. Если в Калуге говорят, что «народный университет умер, да здравствует пролетарский университет по типу московского», если тамбовский пролеткульт первым своим делом ставит организацию социалистических своих курсов, если в Н. Ломове, Нижегородской губ., также создается свой пролетарский университет,—то иногда получаются и неверные шаги. В Воронеже при клубе-коммуне создается только справочное бюро, «а самое же преподавание и разработку научных предметов и особенно методов научного мышления намечено организовать в местных высших учебных заведениях». Мы полагаем, что это—неправильный шаг, так как можно воспользоваться отдельными силами, но

относительно не всей организацией, пропитанной определенным классовым духом. Кологривский пролеткульт создает сперва институт внешкольников, рассчитывая развернуть в будущем сеть народных университетов шведского типа.

Доходит до нас отрывочные сведения о возникающих местных пролеткультах. В Новгороде готовятся к общегубернской конференции, а пока идет подготовительная работа—устроен целый ряд бесед и лекций, выясняющих задачи и смысл нашей творческой работы. Главное участие принимает т. Арс. Авраамов. Очень усиленно призывает к организации пролеткульта красный Иваново-Вознесенск. Но все же материала мы имеем слишком мало, почему еще и еще раз настоятельно призываем товарищей с мест делиться с нами своей работой, чтобы ни одно наше начинание не проходило мимо нашего коллективного сознания и сейчас же делалось общим, обобществлялось и делалось бы орудием нашего общего производства.

Ст. Крицков.

Библиография.

„Горн“. Книга первая. Издание московское «Пролеткульта». 1918 г., ч. 3 р. 50 к.

Еще один орган, стоящий на нашей точке зрения. Приветствуем его и желаем самого широкого успеха и распространения. Журнал имеет свое особое лицо, задуман он интересно. «Пролетарская Культура»—журнал по преимуществу теоретический, напоминающий по своему типу немецкий двухнедельник К. Каутского «Новое Время»; он недоступен по своей трудности широким массам пролетариата, он полезен и нужен для руководителей работой. Петроградское «Грядущее»—журнал по преимуществу литературно-художественный; в нем встречаются теоретические-популярные статьи по отдельным вопросам пролетарской культуры, но они случайны; постоянная же будничная работа петроградского «Пролеткульта» совершенно не отражается в журнале.

Московский «Горн» помимо литературно-художественного отдела имеет отдел публицистический, в котором в форме, доступной самым широким массам рабочего класса, систематически будут освещаться вопросы пролетарской культуры. Самое же ценное в журнале—это то, что каждый отдел Пролеткульта на отведенных ему страницах дает отчет о всех своих работах, планах, успехах и неудачах. Это поможет сплести работу и работников, поможет скорее прочно стать на твердую почву и даст не мало полезных указаний провинции, чем сэкономит много ненужного труда, что особенно важно в наше время, когда на каждого дельного человека возложена масса самых разнообразных обязанностей.

В журнале имеются иллюстрации как с работ настоящих художников, с той или

иной стороны интересных пролетариату, так и с работ учеников студий Отдела изобразительных искусств.

Книга первая «Горн» составлена интересно. Но... это «но» почти всегда встречается в жизни,—в журнале есть и существенные недочеты как со стороны содержания, так и с внешней стороны.

Передовая статья могла быть значительно ярче и определеннее, особенно после Всероссийской Конференции, на которой многие вопросы разрешены вполне ясно. Ни в коем случае нельзя отделять психологию от культуры. Не наш язык, когда говорят «творческим воображением вырывать от небытия к бытию мысли, образы, чувства»; точно так же нельзя выделять образы из области науки и чувства. Это нам совершенно чуждая точка зрения.

Весьма неудачно составлен отдел «Среди журналов». Такой ответственный отдел поручать лицам, мало искусственным в марксистской методологии, а тем более в вопросах пролетарской культуры, весьма опасно.

С. Спасский, рецензируя журнал «Грядущее», довольно развязно, с тоном, не допускающим сомнения, отечанивает: «Новых самобытных форм, ни существенно нового содержания (в журнале) покамест не видно. По содержанию это—все та же старая поэзия гражданского чувства и социального протеста, скорее обще-демократического, чем классового-пролетарского, поэзия революции вообще—и не нашей пролетарской революции».

Редакции непрестительно пропускает подобные строчки, в которых обнаруживается полнейшая беспомощность автора в теоретических вопросах.

В «Грядущем» есть очень много чисто пролетарской поэзии, и в свое время мы отметили это на страницах нашего журнала.

С каждой строчкой рецензии автор становится все смелее и под конец заявляет: «Не велика беда, что на первых порах «Грядущее» не так-то легко отличить от вчерашнего»...

Рецензент, очевидно, не знает не только «Грядущего», но и не понял «вчерашнего».

Не менее скор на расправу и другой рецензент Т. Радванский, поместивший заметку о саратовском журнале «Горнило». Он прав, что журнал скучен и никому не нужен, но он совершенно не прав и определенно груб, когда клеит этот журнал как пошлость. Журнал ведется людьми не талантливыми, и сотрудники его не проявили себя чем-нибудь ценным; их хорошие намерения не вылились в художественно-пролетарскую форму; тут нужно помочь им встать на ноги, а не зашутить, ведь пролетариат только еще берется за эту работу.

Статьи А. Белого тоже страдают существенными недочетами. Автор, поднимая вопрос об образах в поэзии, решительно не сознает, что старый арсенал образов пролетариат сдаст в архив, как образы мифического характера, не соответствующие современному уровню знания. Пролетарская литература должна создать новые образы; что хвалит А. Белый, для нас не всегда подойдет. Ему нравится образ: «Золотые, огненные змеи жалили дома». Этот образ не верен. Жалить значит внедряться в глубь тела, предварительно разрушая верхние его покровы; процесс горения идет иначе: огонь не «жалит», а «сжигает», «пожар». Бросьте книгу в печь, и вы увидите, как будет отвертываться страница за страницей; ничего, напоминающего процесс жаления змеи, вы не увидите. Верхари в своем «Восстании», описывая пожар, сравнивает огонь с факелами: «Их факелы *лижут* своим языком».

А. Белому не нравится образ: «Реют оркестров раскаты». По его мнению, это фальшиво звучащие образы: раскаты оркестров падают, а реют ласточки. Неверно. Если предмет падает, то он в своем движении от точки падения идет к центру земли; звук же, как учит физика, распространяется от своей исходной точки во все стороны, в том числе и от центра земного, следовательно, он может реять. Можно согласиться, что слово реять здесь мало подходящее, но идея образа глубоко верна и научна.

С осторожностью адвоката А. Белый говорит о затасканных словах, как тротуарных плитках, которые дают пролетарское творчество. Для кого-нибудь лозунги и термины революции заезжены, для нас они священные, за них мы томились в каторге, за них проливаем кровь сейчас. Они нам родны, близки и вызывают в нас массу настроений и чувств, они нас организуют. И не беда, если это несколько в ущерб образности.

В марте 1855 года в «Современнике» по поводу стихотворения А. Майкова «Пастух» Н. Г. Чернышевский писал: «Поэт, изменив направление согласно требованиям современности, поступил прекрасно и благородно — даже и в таком случае, если б эта *перемена*

послужила в ущерб его таланту». Этот взгляд корифей критики 60-х годов мы берем целиком, даже без всяких оговорок, в защиту наших лозунгов в поэзии.

Отдает самовосхвалением отзыв о «Заводе огнекрылом» — сборнике, изданном московским Пролеткультом. Сборник ни в коем случае не стоит выше петроградских изданий; в нем есть стихотворения, которые можно было поместить только по недосмотру, а между тем «Горн», не отличая «Грядущего» от «вчерашнего», о своих изданиях самовлюбленно пишет: «Среди выпущенных за последнее время сборников пролетарских поэтов «Завод огнекрылый» — едва ли не лучший образец, едва ли не первое указание (?), что новая полоса жизни, новое веяние в поэзии ведет за собою незаурядных художников». Рецензент попутно старается даже уличить тов. Кириллова, выисывая его «Завтра».

Позволю себе напомнить литературные нравы, которые были признаны давным давно, еще в «Современнике». Когда в 1856 году вышли стихотворения Н. Некрасова, Н. Г. Чернышевский писал: «Читатели, конечно, не будут ожидать, чтобы «Современник» представил подробное суждение о стихотворениях одного из своих редакторов. Мы можем только перечислить здесь пьесы, вошедшие в состав изданной теперь книги. «Горну» не мешает запомнить это указание Н. Г. Чернышевского.

В статье: «К вопросу о методе занятий по истории литературы» автор подходит к делу не совсем правильно: он выдвигает два положения: 1) помочь выработке критического подхода к любому литературному произведению, 2) дать минимум историко-литературных сведений, необходимых начинающему литературное образование взрослому рабочему. Опущена самая главная основная цель студии: научить рабочего понимать и изучать литературу в целях развития своих литературных дарований. Студия — не школа, которая дает известный запас литературных знаний, а лаборатория, и это заставляет соответствующим образом ставить цели и метод преподавания. Намеченные же автором задачи прекрасно могут быть разрешены в пролетарском университете, помимо студии.

В журнале имеются статьи: тов. Ф. Калинина «Путь пролетарской культуры и культуры буржуазной», тов. М. Торова «Основы стихотворной техники В. Брюсова». Та и другая статьи укажут журнал, хотя у Торова следует отметить некоторую неслаженность статьи: с одной стороны читателю даются элементарные пояснения о стопах, метрике, рифме, а с другой стороны с величайшими тонкостями разбирается стих Брюсова. Кто еще не разбирается в основах стихосложения, тому не понять «всех тонкостей», а кто их поймет, тому не нужны элементарные сведения.

Помещены резолюции Первой Всероссийской Конференции Пролеткультов.

Что касается внешности издания, то приходится сознаться, что корректура стоит весьма низко, так что временами не доберешься до смысла. Например, вместо «интерпретатор» стоит «интеризетатор», вместо «самодетельность» — «самодительность», вме-

это «конструирует»—«констатирует»; встречаются интересные согласования в роде следующих: устав принята, курс читается и ведется—тов. Брендер и Шварц; как будто фамилии Шварц и Брендер не склоняются. Корректурные недочеты видны даже на обложке, хотя там всего пять слов, и при том набранных крупно. Концовки статей подобраны неудачно; они представляют из себя подражание резьбе на деревенских избах, это «Горну», кажутся, не к лицу. Судя по выставке во время Конференции, и Отдел изобразительных искусств дал не самое лучшее из работ учеников студий.

Когда отвертываешь обложку, благодаря отсутствию титульного листа, получается впечатление, что несколько страниц вырвано.

Конечно, у товарищей есть основания для оправданий—спешность, неурядица в типографском деле и т. п., но все это не обезоруживает критика.

Есть и еще недочеты, но будем надеяться, что в последующих номерах все они исчезнут. Теперь же еще раз пожелаем журналу успеха.

В. Полянский.

В буре и пламени. Сборники «Творец-Пролетарий». Издание Ярославского Союза рабочих печатного дела. 1918 г., 56 стр., цена 2 р. 50 к. Сборник, который мы только что с большой скукой прочли, украшением пролетарской поэзии служить не может.

Первая вещь «Творец-Пролетарий», которая как бы предопределяет направление и содержание сборника, мало содержательна и написана высокопарным стилем мало опытного агитатора, возмещающего недостаток содержания, образности и музыкальности речи широковещательными, крикливыми словами. Этот недостаток, хотя и не в такой крепкой дозе, свойствен и другим вещам В. Королева.

Сборник крайне не выдержан. В нем трудно уловить даже самую общую идею, объединившую авторов. Судя по заглавию над сборником, авторы должны показать нам, как новый хозяин жизни—пролетарий—творит новую светлую жизнь.

Оказывается, один из авторов Н. Кустов

«Желал бы заснуть глубоким беспробудным сном,

Чтобы жизнь в груди его дремала».

Он, покорно склоненный перед ударами судьбы, пишет:

«Мне больше нечего желать...

Мне все равно—или умереть, или уснуть»...

Эти строки, как видит сам читатель, мы никак не можем приписать революционному пролетариату. Такие вещи позволительно было бы писать интеллигентам 80-х годов, для которых жизнь была загадочный сфинкс, а человек—пигмей пред ним.

«Вот жизнь, вот этот сфинкс. Закон ее—мгновенье,

И нет среди людей такого мудреца,
Кто мог сказать толще—куда ее движенье,
Кто мог бы уловить черты ее лица».

Так писал поэт-восьмидесятник,—и разве эти ноты не звучат в стихах Кустова?

Те же самые настроения повторяются и у Королева в его «Вечернем».

«Нет ни надежд, ни желаний
В сердце притихшем моем...
Караек сумрачный ворон
Дикую, странную сказку».

При чем тут творец-пролетарий? Решительно непонятно.

В свое оправдание авторы скажут, что эти вещи написаны ими до революции; тогда для чего их помещать в сборнике, который озаглавлен «В буре и пламени»?

Не отличаются глубиной и богатством содержания и вещи последнего года. Всюду общие фразы: революция победит, буржуазии от мести не спастись и т. п.

Не отличаются стихи ни образностью, ни музыкальностью, зато порой проглядывает безграмотность, хотя авторы и пользуются латинскими и итальянскими фразами.

Приведем примеры:

- 1) «Этот—важный «брат писатель», автор
грязневых романов,
Воспевающий со вкусом пышной бабы
телеса;
Расстилась пред толпою, глубину своих
карманов
Он кредитками наполнил знаменитых
два часа» (Жабы).
- 2) «Чавкают
Над грудой богатства мясбего»
(«Да будет»).
- 3) «Революция, революция»—кричат;
Проклятья, хвалы, пророчества...
А надо бы только врага
Старое вылечить дочиста»
(«Слава тому»).

Мы очень извиняемся за неприятную для авторов резкость, но тут поэзии нет ни одного грана.

Там же, где видна музыкальность, всякий сразу почувствует подражание.

«Дождик благодатный
Землю напоил,
Влагою приятной
Травку окропил».

Так писал, например, И. С. Никитин:

«Тихо ночь ложится
На вершинах гор,
И луна глядится
В зеркала озера».

Еще пример:

«Над Россией гордо вьется
Коммунаров красный флаг;
Громко, властно раздается—
Будь владыкою батрак»...

Это уже не только подражание, а просто—напросто переделка известного стихотворения А. С. Пушкина:

«Над Неввою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов».

О прозе мы тоже не можем сказать ничего отрадного; ни фабулы, ни живости, ни поэтичности, ни образности, ни красочности...

Авторы, насколько можно судить по сборнику, все коммунисты; но они забыли поучительные слова литературы семидесятых годов, что каждый обязан быть сознательным гражданином, а поэтом... может и не быть.

В. П-ий.

А. Е. Галкин. *Венчальные ризы. Стихи. Издание Литературно-Художественного сотрудничества «Многогодушник». Саратов, 1918 г., 48 стр., цена 1 р. 50 к.*

Автор, как сказано в предисловии, в свое время ходил за сохой. Быть может, он ушел теперь в многоликий, мятельный город, но душа его не слилась с ним, с его кипучей жизнью; быть может, автор рвет последние нити, которые связывают его с деревенским укладом жизни; это нам не известно. Несомненно одно: настроение Галкина тесно, органически перепелось с природой. Он ее любит, он ее понимает, он ее чувствует и растворяется в ней. Без природы душа автора станет пустой, и ничто ее не захватит. Снею он сжился, ходя за сохой. Без деревенского опыта Галкин писать не может.

Автор смотрит на природу и ее красоты через призму сияющей ари, через ласковость весны. Поэт рожден «в схиме солнечной», он «в тайны бога углублен, чтоб петь весну и жизни звон». «Весной и смерть красна, как солнце!» восклицает он. Золото, солнце, весна...—эти слова встречаются почти во всех стихах. Автор жизнерадостен и своей радостной слитностью с природой заражает читателя. Думы сомнения редко и не надолго захватывают его сердце; волшебник май

«Песней грянул по долинам, по лесам
И рассыпал незабудки по лугам...
На свирели утром алым заиграл...
Над сердцами, над цветами, над душой,
Над всем миром взвевал чарой неземной».

Вот эти неземные чары и скрывают от автора доподлинную жизнь, с ее роковыми битвами, со страшными схватками с врагом, жизнь со смертью и воскресением.

Свои настроения поэт вполне сознает.

«Я—песнь сверкающей природы...
Растут и ширятся в груди
Узоры радостных желаний,—
От солнца все мои пути
Живых немеркнущих дерзаний»,

говорит автор.

Галкин не наш поэт, не пролетарский; но если бы он проникся многогранной, многоцветной, многострунной жизнью города и фабрик, он мог бы внести в поэзию труда свою определенную струю и сам не был бы «как иннок в палаше».

Поэзия Галкина темами не богата; встречается много повторов, но есть отдельные вещи, которые разработаны и организованы вполне удовлетворительно. Образы не новы, и все-таки описания яркие.

Есть у автора и своя музыкальность стиха, хотя и несложная. Пишет он по преимуществу чистым хореем или ямбом. Многоστοпный стих менее ему удается.

В сборнике есть несколько неудачных стихотворений: пустых по содержанию и мало образных и музыкальных.

Галкин—поэт начинающий; в его стихах чувствуется влияние других поэтов; но есть и свое; самостоятельность эта робка, но она может развернуться, и тогда, надо полагать, автор избавится от многих ошибок и неудачных приемов, которыми он пользуется, подражая своим учителям.

А. О.

Р. Орлова. *«Из дневника детского сада».* Изд. М. С. Р. Д. 1918 г. Цена 1 р.

Небольшая книжка маленького формата в 63 стр. содержит подробную запись работы педагога в пролетарском детском саду (Петерб. Галерная Гавань) в зимний сезон 1914—1915 г.

Книжка имеет целью «пополнить недостаток популярной и образательной литературы, посвященной практике детских садов», и предназначается главным образом для рабочих.

По словам автора, из дневника исключены теоретические выводы, а также «картинги бедности, физического истощения, прекрасно известные всем рабочим и работницам». Дневник, таким образом, дает живой документ, характеризующий жизнь маленькой воспитательной ячейки,—ячейки, где взрослые и дети в общем деле сливаются в один дружный коллектив. В этом смысле дневник, показывая жизнь детского сада день за днем, является лучшим средством пропаганды коллективного воспитания, пропаганды тем более ценной, что противников коллективного воспитания все еще достаточно как в лагере полуграмотных матерей, так и в лагере просвещенных интеллигентных семей. Дневник рассказывает о том, как, благодаря внимательному подбору занятий и продуманной в педагогическом смысле обстановке, дети даже очень отсталые становятся сознательными (в меру их возраста, конечно) членами маленького общества сада, как не умевшие владеть ни речью, ни движениями приобретают способность управлять своими органами. Радостная атмосфера совместной работы и игры дает простор богатым природным данным; воспитываются незаметно, но верно культурные привычки; вырабатываются социальные навыки. «Увлеченные работой, углубленные в нее дети всегда спокойны и рассудительны. Дисциплина, таким образом, лежит в самой организации занятий». И как жестоко подавляет зародыши социальных инстинктов современная дезорганизованная семья! Индивидуальная борьба за существование оплошляет, обезличивает семейные отношения. Дети становятся бременем, «путаются под ногами» взрослых, и это—как в сравнительно обеспеченных, так и пролетарских семьях. Семья рассыпается в силу исторической необходимости, как воспитательно-хозяйственная ячейка. На смену ей становится общество во всеоружии организационных средств. Дети дошкольного возраста должны стать в самом ближайшем будущем предметом забот всего общества, а не индивидуальных родителей сил.

Напрасно автор дневника избегает теоретических выводов. Пролетарию-читателю не может быть чужда теоретическая мысль,

тем более подкрепленная рядом живых наблюдений над действительностью.

Одним из элементов классовой психологии пролетариата является чуткое отношение ко всякому коллективному творчеству. А что как не форма коллективного творчества, воспитательная ячейка, построенная на принципах социалистического развития личности? Любо вь к человеку, внимательное отношение к его индивидуальным свойствам, то, что лежит в основе педагогики, тоже понятны и близки пролетарию. В человеке он видит не придаток к машине, не раба собственности: человек для него — товарищ по созданию общечеловеческих ценностей, и все выводы, относящиеся к культуре личности в коллективе, не могут не быть ему близки и понятны. И если бы автор дневника дал несколько более теоретическое освещение этой стороне дела, читатель только выиграл бы.

Но дневник и в таком виде заставляет прийти к чисто теоретическим выводам. Во-первых, общественное воспитание под руководством любящих и знающих детскую натуру педагогов должно заменить отсутствие воспитания в семье; труд и игра, приспособленные к возрасту и организованные умелой рукой, — лучшее средство развития как социального, так и индивидуального сознания. Упала праздность, царящая в семейной жизни детей дошкольного возраста, и шумное веселье улицы одинаково калечат душу ребенка.

Жалко, что опыт автора, на что указывает и он сам, был лишен больших возможностей в смысле более глубокого и прочного социального обоснования.

Дневник написан в эпоху царизма. Затруднено общение с родителями, связаны руки в проведении социалистических методов работы. «Интимные психологические задания вырастали за счет заданий социальных». Поэтому анализ психики ребят носит более индивидуалистический характер, чем это могло бы быть при других условиях.

Большое достоинство дневника — его правдивость. Чувствуется, что автор хочет быть объективным и все время контролирует свои субъективные переживания. Часто дневники такого типа страдают односторонностью, благодаря тому, что жизненный опыт преломляется сквозь призму сильно переживаемых личных эмоций. Большая сила любви и веры в человека не помешали Орловой быть до конца объективной в изображении жизни близких ей малышей.

Может быть, не следовало исключать из дневника и картин культурной отсталости рабочей среды. Многие, что проходит незамеченным в жизни, со страниц книги показались бы более ярким и выпуклым. То, что кажется автору ниже уровня обычных требований культуры детской жизни, то большинству родителей представляется вполне нормальным.

Взять хотя бы такой пустяк, как ночные посещения детьми вместе с родителями кинематографа или просто вечернее хождение с детьми в гости. Да мало ли еще каких антигигиенических обиходных привычек вносит в жизнь ребенка взрослый, часто имея полную возможность избежать их.

Автор сталкивался с этими привычками, и напрасно остерегается подчеркнуть в дневнике их вред. Читатель, может быть, и ждет от дневника практических указаний в этом смысле.

Во всяком случае, «дневник» Орловой — ценная работа, и в рабочей библиотеке ей должно быть отведено место. Будем ждать материала, освещающего жизнь воспитательных коллективов в новых условиях революционного творчества. Элементы нового сознания, новой культуры, несомненно, выявятся в таком материале. Исследователю, теоретику и практику будет над чем поработать.

Е. Херсонская.

„Горнило“. Художественно-литературный и социально-политический журнал. Издание «Известий Саратовского Совета». №№ 1, 2 и 3. Цена номера 2 р. 25 к.

Журнал поставил перед собою задачу: «выявлять, углублять, расширять художественные и творческие инстинкты в самой гуще народа».

Великая и благородная задача, — но надо сказать откровенно, что ни издатель, ни редакционная коллегия не разрешили и, по всей вероятности, не разрешат своей задачи.

Состав сотрудников не только бесцветен, — но крайне неопределен по своему идейному направлению. По девизу журнала: «расширять художественные и творческие инстинкты в самой гуще народа», а не рабочего класса, можно думать, что журнал носит облик эс-эровский. Саратовская губерния искони известна эс-эрами, но если внимательно вчитаться в материал, то окажется, что в журнале прекрасно уживаются, без помехи друг другу, марксист, эс-эр и либерал. Странное сожительство, — от того, очевидно, и плод такого уродливого вида.

В «Горниле» довольно много стихов. Это, конечно, хорошо. В них читатель узнает, что один из сотрудников журнала «эгретиз о себе в ачуровых мгновеньях», и глаз его целует «звон торжественно-малиновых молний». Это, конечно, плохо и даже во многих смыслах.

Автор в подарок друзьям «кует колокольчики из обрубков металла», но эти колокольчики беззвучны, и напрасно автор собирается развеселить себя.

«Под веселые звуки, как мальчик я
Порезвился, попляшу, запою»,

мечтает автор, но надо думать, и не без основания, что мечта останется мечтой, хотя, быть может, и довольно сладостной для самого автора.

Другой автор, очевидно в полном сознании своего бессилия, молит, чтобы «буйный ветер ожинил его больное сердце», и «тогда он спокойно простится с землей, уходя под могильные своды». К чему эти панихидные причитания? Разве истории в момент, когда действуют необозримая армия пролетариата, классовый коллектив, интересуется, как будет умирать «больное сердце» саратовского гражданина?

На в пример «больному сердцу» есть в журнале люди с твердым, решительным характером и даже не в меру самоуверенным;

известно: «плох тот солдат, который не надеется быть генералом», говорили в дореволюционной России. Автор пишет:

«Запою свою, перепевую
Песню старую, но на новый лад,
Чтобы раб-бедняк вмиг счастливым стал».

Автор расхваливает свою песню, как «легкокрылую», из рубинов-слов, из алмазо-рифм, и все-таки мы решаемся утверждать, что и легкокрылой песней вмиг счастливым не сделаешь; да и кроме того, песни саратовских поэтов не так уже «легкокрылы», как верит руководитель журнала.

Сведи поэтов журнала числится Лепантовский. Он несомненно воспитался на культе критических мыслей личности, но это несколько не мешает ему рекомендовать себя, как... но лучше послушаем самого поэта:

«Я—лысший геий,
Я—день но дне,
Я—мир велений.

Все ярким пламенем пылает
Вокруг меня: я—мир миров,
Мне «я» мое повелевает».

Нам очень хотелось бы высказать сомнения в самохарактеристике автора, но если его «я» ему повелевает, то тут ничего не поделаешь. Пускай автор наслаждается, пролетарии ему, все равно, не поверят.

«Сияющая царевна» Молотовой ждала, что ее царевич придет весной на белом коне, а он стоит «в своем поджачке светло-сером». Царевна злится и решает ждать другого до следующей весны. Удивительная выдержка и терпеливость. Вот если бы этой терпеливости и выдержки да самим авторам...

Из беллетристики следует отметить «Каторжанку» повесть из пережитого» Ф. Безродного. Это бесхитростные, без всяких претензий на художественную литературу, воспоминания об ужасах и издевательствах в царских тюрьмах. Читайте, и невольно дрожит сердце и закипает злора, хотя эти ужасы и пытки уже отошли в вечность, и нет сил прошлое вернуть обратно.

Есть в журнале статьи публицистического характера по вопросам политики, искусства и народного образования.

Вот в № 3 статья: «Одна из очередных задач». Незнаемый автор,—статья не подписана,—говорит о взаимоотношении науки и религии; но он не знает этого вопроса. Он не понимает, что как наука, так и религия суть организующая коллективный опыт идеологии. Религия по сравнению с наукой более ранняя, более примитивная форма идеологии, возникшая еще на заре человеческой жизни, когда о науке и говорить не приходилось.

Автор впадает и в другую ошибку, полагая, что мировоззрение чистого рационализма совпадает с естественнo-историческим. Хотя в статье и нет прямых указаний, но надо полагать, что автор свой чистый рационализм отождествляет с социализмом. До сих пор дело даже буржуазными публицистами изображалось несколько иначе. Впрочем, саратовским «творцам будущего» старое ни в каком случае не указ.

Есть в Саратове и свои философы. В журнале помещена интереснейшая статья: «Человечество и культура»—размышление социалиста. Чтобы не утомлять читателей, мы позволим выписать всего несколько самых «ценных» мыслей, чтобы читатель мог разобратся в вопросе. Оказывается: 1) «Народ Германии исторически более способен проникаться идеями социализма, чем кто-либо другой»; 2) «Россия сделала скачок». Она «ушла в себя и там, на дне народной души, стала черпать естественные человеческие идеи осуществления заветных (социалистических) задач. Она очнулась—и очутилась уже после того на самом высоком в мире пути». Оказывается, для водворения социализма России не было нужды в продолжении и продвижении на культурном пути. Она «ударив по сердцам, сделала скачок и находитесь вследствие этого на самой высокой в мире вышине».

Мы не будем забираться на эту «высокую вышину», да и читателю рекомендуем воздержаться от этого, чтоб у них, как у самого автора, не перепутались мысли от страха перед недостижимой высотой.

Журнал издан на хорошей бумаге, с большой тщательностью, но иллюстрации и обложка плохи.

Хочется верить, что саратовские товарищи из Совета, в конце концов, обратят внимание на свой орган и поставят дело действительно на подобающую высоту. В. Г.—.

„Грядущая Культура“. Журнал пролетарского творчества. № 1. Ноябрь. 1918 г. Издание Тамбовского Губернского Пролеткульта. Ц. 2 р.

Еще один наш журнал,—наш по своему духу, направлению, выдержанности, и в этом отношении весьма выгодно отличающийся от других журналов, которые растут быстрее, чем осознается сама идея пролетарской культуры.

Помимо стихов и рассказов в номере помещено несколько интересных статей. Мы их перечислим, чтобы читатель мог ясно представить, как глубоко идею пролетарской культуры чувствуют тамбовские товарищи, и с каким энтузиазмом они работают над созданием этой культуры.

«Очередные задачи пролетариата»—статья рабочего Пороховника. Вдумчиво, с сознанием всей ответственности за переживаемый момент, автор с болью в сердце сознает, что пролетариат еще «не вполне готов к выполнению возложенной на него исторической великой задачи». «Пролетариат зачастую вынужден посылать на ответственную работу товарищей, еще недостаточно опытных». «Иногда приходится наблюдать, как наши молодые товарищи-коммунисты под влиянием окружающих их разного рода так называемых «специалистов»... «подпадают под влияние буржуазной идеологии, и это явление встречается все чаще и чаще». Отсюда автор делает естественный вывод: «очередной задачей пролетариата должен стоять вопрос о создании новой, пролетарской культуры».

В статьях: «Задачи Пролеткульта» Л. Б.—ва, «Пролеткульт—гори пролетарского ис-

куства» С. Клубень, «О работе в студиях Пролеткульта» Пороховика обстоятельно выясняются основные задачи Пролеткульта и основные формы его работы.

«Задача Пролеткульта—поддержать пролетарскую власть отчетливым пониманием и пропагандой идей социализма, облегчить рабочим массам возможность самостоятельно создавать новое великое дело». Пролеткульт работает в контакте с внешкольным отделом, «но он будет шире его, самостоятельное в своей коллективной работе». Если первый вводит пролетариат в храм уже созданной, старой культуры, «то Пролеткульт, это—гори пролетарской культуры, в котором куется сокровища новой культуры».

Авторы журнала отдают себе ясный отчет в трудности задачи. Они сознают, что западно-европейский пролетариат, восприняв ценности старой культуры, «отравился ими»; но отсюда они не делают вывода, что старую культуру надо целиком выбросить за борт; они не отрицают сотрудничества интеллигенции (как это делают те товарищи, которые, преисполненные великой гордости, мечтают создать свою культуру в 24 часа), лишь бы интеллигенция «работу свою строила на принципах и идеологии пролетариата», т. е. коммунизма.

По этому поводу С. Клубень пишет: «Происхождение художника и обстановка, которую он рисует в своем произведении, не создают еще пролетарского искусства. В драме или романе, сочиненном рабочим, может быть изображен рабочий, десяток рабочих, завод, рабочий квартал, но... *эта драма, этот роман не будут пролетарскими, если они лишены пролетарской идеологии.*

Это глубоко справедливо, писатели-пролетарины особенно должны помнить это.

Статья «Об единой трудовой школе» К. Павлова туманна. Из нее читатель не вынесет определенного мнения, за что стоит автор: за труд производительный в школе, или за труд, как воспитательное средство для овладения методами производства. Хотя заключительные строки статьи: «труд не

ради труда или принуждения, а ради высшей общественной культуры», заставляют думать, что автор склоняется ко второй точке зрения, которую мы считаем более правильной.

Статья «Мысли о театре» Н. Варьяжского мало продумана; автор хотя и говорит о новом в театре, но его новые идеи легко уложить в рамки буржуазного понимания задач театра.

Статья «О пролетарских журналах» Л. Б.—ва написана с полным сознанием дела.

Из поэзии мы отметим «Красный октябрь» А. Поморского. Эта вещь написана в стиле «Похоронь» («Прол. Кул.» № 2, 1918 г.), но уступает последним по своей музыкальности. Нет в ней и той слитности и гармонии между содержанием и формой, которая чувствуется в «Похоронках». Мы только что просмотрели номера столичных и почти всех провинциальных газет, посвященные октябрьскому перевороту. Вне всякого спора «Красный октябрь» А. Поморского, несмотря на указанные недочеты,—самая лучшая вещь. Остальные или шаблонны, или трескучи; большинство же и к поэзии не могут быть отнесены.

Рассказ «К свободе» Ф. Сова написан просто, искренно, хорошо, хотя и в старом стиле.

То же самое надо сказать и о рассказе Мохначена «Византизм дров». Авторы прекрасно владеют техникой писания, но разработка темы и форма—старые.

Как и во всех пролетарских журналах, нет рассказов на современные мотивы быта и связанной с ним психологии.

Писатели-рабочие особенно должны сосредоточить свое внимание на рождающемся новом быте, чтобы помогать строительству социалистической жизни.

Это, конечно, трудно,—но будем верить, что со временем и эта задача разрешится.

Журнал, если он будет развиваться, встретит самый широкий отклик среди пролетарских масс, и вполне заслуженно.

П. Л.

Редакция журнала просит присылать ей для отзыва рабочие журналы и сборники пролетарских писателей и поэтов.

Издатель—

Государственное Издательство.

Редактор—

Редакционная Коллегия.

Вторая Государственная типография Трехиздский, 9.